63.3(2)47
Щ34

Проверено
1966 г.

П. Е. Щеголевъ

НИКОЛАЙ I
и ДЕКАБРИСТЫ

Очерки

БЫЛОЕ—Историческая Библіотека.
Издательство «Былое». Петроградъ, 1919.

143 ~~679~~ 679

Копия бланка ~~[illegible]~~ высылается вместе с книгой или служит ответом на запрос

№№ абонента

дата

№ заказа

Название библиотеки-заказчика

Адрес

Особые отметки

Автор

Название

9/47/7.1825
Щ-34.
143679
1949 г.
Проверено
1965 г.
143679

П. Е. Щеголевъ.

НИКОЛАЙ I
и ДЕКАБРИСТЫ.

Очерки.

БЫЛОЕ—ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА.
Издательство «БЫЛОЕ» Петроградъ 1919.

Типографія «Научное Дѣло» Загородный пр. 74. Тел. 19-30.

Императоръ Николай I — тюремщикъ декабристовъ.

Намъ приходилось не разъ отмѣчать ту выдающуюся роль, которую игралъ въ процессѣ декабристовъ самъ Николай первый [1]). Предусматривая и вникая во всѣ подробности слѣдствія, царь являлся первымъ слѣдователемъ: въ кабинетѣ своего дворца онъ лично или черезъ своихъ генералъ-адъютантовъ допросилъ почти всѣхъ привлеченныхъ къ дѣлу. Но онъ былъ для декабристовъ не только слѣдователемъ, но и предусмотрительнымъ тюремщикомъ-виртуозомъ. Снявъ допросъ, Николай первый отсылалъ арестованнаго въ крѣпость, въ распоряженіе тогдашняго ея коменданта генералъ-адъютанта Сукина, съ собственноручной запиской на почтовой бумагѣ или даже просто на клочкѣ. Генералъ Сукинъ благоговѣйно хранилъ эти автографы императора до конца дней своихъ, а послѣ его смерти, эти документы, какъ имѣющіе государственное значеніе, были отобраны правительствомъ и поступили на храненіе въ Государственный Архивъ. Этимъ запискамъ или «Высочайшимъ собственноручнымъ Его Императорскаго Величества повелѣніямъ, поступившимъ на имя ген.-ад. Александра Яковлевича Сукина» самимъ же генераломъ былъ составленъ «реестръ». Въ реестрѣ выписанъ точный текстъ каждой записки, указанъ день, часъ и порядокъ полученія. Этотъ реестръ, съ сохраненіемъ графъ мы и предлагаемъ вниманію читателей.

«Реестръ» свидѣтельствуетъ о томъ, что императоръ Николай обладалъ недюжинными способностями тюремщика. Каждая его записка не ограничивается только указаніемъ необходимости содержать такого-то въ крѣпости; она опредѣляетъ и характеръ содержанія. Пять формъ крѣпостного заключенія можно намѣтить по этимъ запискамъ. Весьма

---

[1]) См. въ моей монографіи „П. Г. Каховскій“ (Былое, 1906, къ 1 и 2 и отд. М. 1918), въ работахъ о Пушкинѣ (Пушкинъ. Очерки Спб. 1911) и въ статьяхъ, вошедшихъ в настоящую книгу.

немногіе присылались съ лаконичнымъ указаніемъ «содержать въ крѣпости». Нѣкоторыхъ предписывалъ Николай первый «содержать хорошо». Степень выше— «содержать строго, но хорошо»; еще выше—«содержать подъ строгимъ арестомъ»; дальше—«строжайше наблюдать», и, наконецъ, высшая степень—«содержать наистрожайше». Вѣрный Сукинъ понималъ, конечно, оттѣнки этихъ выраженій и дѣйствовалъ сообразно съ высочайшими приказаніями. Мы не можемъ судить, каковы были въ дѣствительности формы содержанія въ крѣпости, но одна записка можетъ до нѣкоторой степени дать о нихъ представленіе. «Свистунова содержать строго, но *снабжа всѣмъ, что пожелаетъ, т. е. чаемъ*».

Нечего и говорить, что императоръ Николай I назначалъ содержаніе «строгое, строжайшее или наистрожайшее», руководясь, во-первыхъ, собственнымъ своимъ убѣжденіемъ о степени виновности, а во-вторыхъ, соображеніемъ, какая форма заключенія заставитъ заключеннаго скорѣе дать признанія. Такимъ образомъ заключеніе вовсе не носило характера «предварительнаго» до приговора, а являлось или уже наказаніемъ или длительнымъ процессомъ пытки. Вотъ двѣ записки, подтверждающія наше заключеніе. Первая—«присылаемаго Крюкова посадить, гдѣ лучше и содержать строго, но хорошо; ибо полагать должно невиноватъ». Вторая—«присылаемаго Якушкина заковать въ ручныя и ножныя желѣза, поступать съ нимъ строго и не иначе содержать, какъ злодѣя».

Но всѣ, тѣ или иныя, формы заключенія казались Николаю Павловичу еще недостаточными для вынужденія показаній или для вящшаго устрашенія и наказанія. Изъ слѣдственныхъ дѣлъ мы могли извлечь слѣдующія данныя о закованіи. Закованія совершались исключительно по высочайшему повелѣнію. 18 декабря былъ закованъ въ ручныя желѣза Александръ Бестужевъ, 8 января былъ закованъ деньщикъ Пестеля Савенко.

10 января «государь императоръ вслѣдствіе положенія тайнаго комитета высочайше повелѣть соизволилъ заковать въ ручныя желѣза содержащагося въ крѣпости л.-гв. финляндскаго полка поручика Цебрикова, за упорство въ признаніи и за употребленіе дерзости въ выраженіяхъ при допросѣ комитета». Цебриковъ былъ раскованъ только 30 апрѣля. 11 января былъ закованъ въ ручныя желѣза Якубовичъ. 14 января былъ закованъ въ ручные и ножные кандалы Якушкинъ; только 14 апрѣля были сняты съ него ножные, и 18 апрѣля—ручные кандалы.

16 января былъ закованъ Пушкинъ 1-й. Затѣмъ, Пушкинъ 1-й, закованный за упорное запирательство въ

ручныхъ желѣзахъ, оказалъ въ показаніяхъ своихъ откровенность и былъ раскованъ 10 апрѣля.

17 января былъ закованъ Артамонъ Муравьевъ и раскованъ только 30 апрѣля; Арбузовъ былъ закованъ 21 января и раскованъ 30 апрѣля. 1 февраля былъ раскованъ кн. Оболенскій. Подпоручикъ Норовъ былъ закованъ 31 января и освобожденъ отъ оковъ 6 февраля. Бестужевъ-Рюминъ, закованный 11 февраля, раскованъ 30 апрѣля; Борисовъ (подп. 8 арт. бриг.) носилъ ручныя желѣза съ 15 февраля до 30 апрѣля. Разжалованный въ рядовые Башмаковъ, доставленный 15 февраля въ крѣпость въ кандалахъ, носилъ ихъ до 14 мая.

27 марта генералъ Сукинъ доносилъ военному министру о слѣдующемъ распоряженіи: «титулярный совѣтникъ Семеновъ, за упорное запирательство при допросахъ, въ то время какъ многіе его уличали, былъ закованъ въ ручныя желѣза и имѣетъ быть содержимъ на хлѣбѣ и водѣ». И лишь послѣ того, какъ Семеновъ оказалъ въ показаніяхъ откровенность, государь «соизволилъ давать ему, Семенову, ту пищу, которая ему производилась раньше». Въ уваженіе къ оказанной имъ откровенности въ показаніяхъ онъ былъ раскованъ 12 апрѣля.

Къ 30 апрѣля оставались закованными и въ этотъ день были раскованы, кромѣ перечисленныхъ выше лицъ, кн. Щепинъ-Ростовскій, Бестужевъ Михаилъ и крѣпостной человѣкъ Кюхельбекера Семенъ Балашовъ.

Мы не упомянули еще о подпоручикѣ Андреевичѣ 2-омъ, закованномъ въ ручныя желѣза 18 февраля. На него кандалы произвели угнетающее впечатлѣніе, и 25 апрѣля онъ написалъ слѣдующее безсвязное письмо въ Комитетъ. Это письмо не требуетъ никакихъ разъясненій и ярко свидѣтельствуетъ о вліяніи кандаловъ на психику заключенныхъ. Письмо воспроизводимъ буквально.

Въ Высочайше учрежденный комитетъ!

Движимый горестью и удрученіемъ связывающихъ меня желѣзъ! Кои заслужилъ я чрезъ мои преступные дѣянія, осмѣливаюсь просить вторично, правосудныхъ членовъ Высочайше учрежденнаго комитета; видя мое печальное страданіе, уважьте сію униженную просьбу; и если есть возможность облегчите участь мою; хотя снятіемъ желѣзъ, съ коими я почти три мѣсяца, каждую минуту не разлученъ, кои днемъ и ночью мнѣ не даютъ спокою.—Кажется я довольно уже наказанъ за мою легкомысленность. Милосердый Богъ принялъ мое раскаяніе, Онъ разрѣшилъ меня отъ моихъ согрѣшеній; послѣдуйте Его Святой стязею, окажите снисхожденіе къ сей моей просьбѣ. Ахъ! я почту тотъ день и тотъ часъ, въ который свершится сіе благо.

Отдѣленъ будучи отъ родныхъ и ближнихъ; въ странѣ столь отъ нихъ далекой, въ печали, въ горести, въ желѣзахъ, какую я могу питать въ душѣ моей отраду? Въ семъ убѣжищѣ печальномъ, мрачномъ; въ бездѣйствіи безъ всякой пользы проходятъ дни мои унылы; умаляется жизнь моя; юность моя протекаетъ безутѣшно и постепенно истребляютъ дарованія мои, коими природа меня одарила.

Что будетъ со мною, когда всего сего лишусь; какая кому въ то время будетъ отъ меня польза; бѣдность! она одна со мною неразлучна; но кому я оною сдѣлать могу какую услугу. Ахъ! умоляю Васъ именемъ Всевышняго разрѣшите мои столь тягостные узы, узы, коихъ я во всю жизнь мою имѣть не полагалъ. Онѣ разлучаютъ меня съ матерью, коей положеніе и при мнѣ было горестное, но теперь увеличилось; дряхлость лѣтъ ея, а мое несчастіе, могутъ ли ей дать какую отраду? Онѣ разлучатъ меня съ семью братьями, кои нѣжно меня любили.—Ахъ! могутъ ли они быть спокойны? и такъ сіи плачевныя желѣзы не меня одного печалятъ и тяготятъ; но разлучая меня съ родными лишаютъ и ихъ спокойствія долгимъ моимъ отсутствіемъ и въ совершенной неизвѣстности.

Я повторяю предъ вами правосудніи члены мою просьбу и готовъ повергнуться къ стопамъ великодушнаго Монарха, чтобы умолить Его о состраданіи къ моему бѣдственному положенію.—Въ доказательство истиннаго моего раскаянія въ моихъ заблужденіяхъ я бы весь листъ свой, на коемъ пишу, оросилъ бы слезами, но горесть изсушила ихъ. — Наконецъ если я уже не заслуживаю отъ васъ никакого призрѣнія, то троньтесь печалію моихъ родныхъ, которые вѣроятно льютъ слезы о моемъ несчастномъ положеніи! — Они и я будемъ вѣчно возсылать молитвы свои къ Всевышнему о благоденствіи вашемъ.

Подпоручикъ Андреевичъ 2-ой.

25 апрѣля это письмо было прочитано въ Комитетѣ, а 27 апрѣля, «въ уваженіе замѣченнаго въ немъ Комитетомъ раскаянія и откровенности въ показаніяхъ» Андреевичъ былъ раскованъ.

РЕЕСТРЪ

Высочайшимъ собственноручнымъ Е. И. В. повелѣніямъ послѣдовавшимъ на имя ген.-ад. Александра Яковлевича Сукина.

№	Когда получены.		Мѣсяцъ декабрь 1825 года.
	Число	Часъ.	
1	14	въ 11 час. пополудни.	Александръ Яковлевичъ, я разрѣшаю васъ въ случаѣ нужды оставить у себя 2 роты Измайловскаго полка и 6. Семеновскій который въ конвое у арестантовъ но безъ нужды отнюдь недовѣрчивости Л.-Гренадерскому караулу не оказывать. Прошу мнѣ прислать донесеніе когда все вами исполнено будетъ. 14 декабря 1825 въ 3/4 10 часа.
2	—	въ 12 час. по полудни.	Присылаемаго Рылѣева посадить въ Алексѣевскій равелинъ, но не связывая рукъ; безъ всякаго сообщенія съ другими, дать ему и бумагу для письма и что будетъ писать ко мнѣ собственноручно мнѣ приносить ежедневно.
3	15	въ 3 ч. по полуночи.	Присылаемаго Горскаго посадить въ Алексѣевскій равелинъ, безъ всякаго сообщенія, дать ему бумагу если попроситъ мнѣ писать.
4	—	въ 4 ч. по полуночи.	Присылаемаго Кожевникова посадить на гауптвахту не связывая рукъ подъ строгимъ арестомъ и безъ всякаго сообщенія съ кѣмъ ни было.
5	—	въ 7 ч. по полуночи.	Присылаемаго Ш. К. Карниловича посадить на гауптвахту отдѣльно отъ другихъ безъ всякихъ сообщеній съ кѣмъ бы ни было. 15 декабря 1825.
6	—	въ 8 ч. по полуночи.	Присланнаго Вишневскаго содержать подъ арестомъ въ крѣпости на гауптвахтѣ, не давая сообщаться съ другими. (на пакетѣ написано: „нужное").
7	—	въ исходѣ 8-го часа по полуночи.	Въ отмѣну прежняго приказанія Вишневскаго, Бодиско и Арбузова посадить въ Алексѣевскій равелинъ порознь. (На пакетѣ собственною Его Величества рукою написано: „нужное").
8	—	въ 9 ч. по полуночи.	Присылаемаго при семъ Кюхельбеккера посадить въ Алексѣевскій равелинъ и строжайше за нимъ наблюдать.
9	—	въ 9 ч. по полуночи.	Присылаемаго Бестужева посадить въ Алексѣевскій равелинъ подъ строжайшій арестъ.
10	—	въ 3/4 10 час. по полуночи.	Трубецкого при семъ присылаемаго посадить въ Алексѣевскій равелинъ. За нимъ всѣхъ строже смотрѣть особенно не позволять никуда не выходить и ни съ кѣмъ не видѣться.

11	15	въ 10 ч. по полуночи.	Присылаемаго Сомова посадить въ Алексѣевскій равелинъ.
12	—	во 2-й четв. 11 час. по полуночи.	Якубовича посадить въ Алексѣевскій равелинъ.
13	—	въ 3 ч. по полудни.	Присылаемаго Пущина отправить на гауптвахту въ крѣпость.
14	—	въ 8 ч. по полудни.	Оболенскаго посадить въ Алексѣевскій равелинъ подъ строжайшій арестъ, безъ всякаго сообщенія—не мѣшаетъ усилить наблюденіе, чтобъ громкихъ разговоровъ не было между арестантовъ буде по мѣсту сіе возможно.
15	—	въ 10 час. вечера.	Присылаемаго при семъ Бестужева посадить въ Алексѣевскій равелинъ.
16	—	въ половинѣ 12 ч. по полудни.	Присланнаго Панова какъ самаго упрямаго посадить тоже въ Алексѣевскій равелинъ и содержать наистрожайше.
17	16	въ 11 час.	Александра Яковлевича прошу опросить лейтенанта Арбузова, кто былъ съ нимъ во фракѣ въ казармахъ гвардейскаго экипажа утромъ 14 числа.
18	—	въ половинѣ 3 ч. по полудни.	Присылаемаго Каховскаго посадить въ Алексѣевскій равелинъ, давъ бумагу пусть пишетъ, что хочетъ, не давая сообщаться.
19	—	въ половинѣ 9-го ч.	Присылаемаго при семъ сего Николая Бестужева посадить въ Алексѣевскій равелинъ подъ строгій арестъ, давъ писать, что хочетъ.
20	—	—	Письмо отъ Пущина къ поручику л.-гв. конно-пионернаго эскадрона Петру Михайловичу Дарогану. Любезный Дароганъ, пожалуйста облегчи участь несчастнаго, пришли мнѣ все то, о чемъ я вчера тебя просилъ, т. е. сертукъ, рейтузы, фуражку, халатъ, туфли, кровать и постель, трубку, табакъ и нѣкоторыхъ книгъ, ко мнѣ безопасно можешь пріѣхать, я почти оправданъ, доносъ какихъ-то подлецовъ уничтожится, пожалуйста навѣсти меня въ несчастьи, на гауптвахтѣ Петропавловской площади, весь твой Пущинъ. 16 декабря 1825. На оном письмѣ собственною Его Императорскаго Величества рукою написано: Узнать непремѣнно чрезъ кого Пущинъ писалъ и запретить впередъ смѣть то дѣлать, взявъ мѣры противъ того.
21	17	въ половинѣ 3 ч. по полуночи.	Чиновника Глѣбова посадить подъ арестъ, гдѣ удобно, онъ случайно присталъ, но содержать строго.
22	—	въ половинѣ 3 ч. по полудни.	Присылаемыхъ при семъ Пущина и Одуевскаго посадить въ Алексѣевскій равелинъ.
23	—	въ половинѣ 7 ч. по полудни.	Присланныхъ при семъ подпоручиковъ к. Бадбольскаго, Кожевникова и Фока посадить на гауптвахтѣ въ крѣпость.
24	—	въ 11 ч. по полудни.	Присылаемаго при семъ Чижова посадить особо на гауптвахту.
25	—	въ началѣ 12-го ч. по полудни.	Бестужева по присылкѣ, равно и Оболенскаго и Щепина велѣть заковать въ ручныя желѣза. Бестужева посадить такъ же въ Алексѣевскій равелинъ.

		въ половинѣ 6 час. вечера.	Каховскаго содержать лучше обыкновеннаго содержанія, давать ему чай и прочее, что пожелаетъ, но съ должною осторожностью. Адъютанта герцога Александра Бестужева заковать; ибо по всѣмъ вѣроятіямъ онъ убійца штыкомъ графа Милорадовича. Содержаніе Каховскаго я принимаю на себя.
27	21	въ половинѣ 12 ч. по полудни.	Надо держать Ватковскаго совершенно втайнѣ, но дать ему писать, что хочетъ на мое лицо или кому хочетъ.
28	22	въ 2 час. по полудни.	Записка отъ генералъ-адъютанта Левашова, на коей Его Императорское Величество подписать изволилъ:
			По Высочайшему повелѣнію, при семъ посылаются письмо г-ну Каховскому и человѣкъ г-на Рылѣева. Г-ну Каховскому дать съ нимъ свиданіе въ присутствіи Вашего высокопревосходительства, послѣ чего, истребовавъ отвѣтъ онаго доставить сюда; такъ-же и человѣка *возвратить обратно.*
29	22	во 2 четверти 5 час. по полудни.	Присылаемаго при семъ ш. к. Репина содержать подъ строгимъ арестомъ. 22 декабря 1825.
30	24	въ 5 ч. по полудни.	Присылаемаго при семъ Свистунова посадить въ Алексѣевскій равелинъ, давъ бумагу и содержа строго, но снабжа всѣмъ, что пожелаетъ, т.е. чаемъ.
31	23	въ 8 ч. по полудни.	Присылаемаго Оржитскаго содержать подъ строгимъ арестомъ, гдѣ удобно. С.-Петербургъ 23 декабря 1825.
32	24	въ половины 12 час. утра.	Присылаемаго, к. Голицына посадить на гауптвахту, содержа строго, но хорошо. С.-Петербургъ 24 декабря 1825.
33	25	въ 1 четверти 5 час. по полудни.	Присылаемаго Муравьева посадить по удобности подъ строжайшій арестъ; дать однако бумагу.
34	—	въ послѣдней четверти 5 ч. по полудни.	Присылаемаго при семъ Свиньина посадить подъ арестъ, по усмотрѣнію; давъ писать, что хочетъ.
35	—	въ 1 четверти 6 ч. по полудни.	Присылаемаго при семъ П. Кологривова посадить на гауптвахту подъ строгій арестъ. С.-Петербургъ 26 декабря 1825.
36	27	въ половинѣ 2 ч. по полудни.	Присылаемаго Рикевича посадить подъ строгій арестъ, по усмотрѣнію, давъ и бумагу. Въ Петербургѣ 27 декабря 1825.
37	27	въ 3 четверти 8 ч. по полудни.	Присылаемаго графа Чернышева посадить на гауптвахту содержа хорошо. С.-Петербургъ 27 декабря 1825.
38	—	въ половинѣ 10 ч. по полудни.	Александръ Яковлевичъ, прошу господина Краснокутскаго помѣстить у себя на квартирѣ офицерской, не арестовывая и позволить ходить по крѣпости, но не отлучаться, а за нимъ имѣть присмотръ. С.-Петербургъ 27 декабря 1825.
39	28	по полудни въ 1 четверти 9 ч.	Присылаемаго при семъ генералъ-маіора Орлова посадить въ Алексѣевскій равелинъ, выведя Горскаго или кого другого и содержа хорошо. С.-Петербургъ 29 декабря 1825.

40	29	въ 2 ч. по полудни.	Присылаемаго Васильчикова посадить по удобности, давъ писать, что хочетъ и содержа хорошо. С.-Петербургъ 29 декабря 1825.
41	30	во 2 ч. по полудни.	Прошу, Александръ Яковлевичъ, позволить Орлову Михайлѣ видѣться у васъ съ Алексѣемъ Орловымъ. 29 декабря 1825.
42	—	въ половинѣ 4 ч. по полудни.	Горожанскаго посадить, куда удобно подъ строгій арестъ. С.-Петербургъ 29 декабря 1825.
43	—	въ исходѣ 4 ч. по полуд.	Присылаемаго при семъ Батенкова содержать строжайше, давъ писать, что хочетъ; такъ какъ онъ больной и раненый, то облегчить его положеніе по возможности. С.-Петербургъ 29 декабря 1825.
44	—	по полудни въ исходѣ 2 час.	Присылаемаго л.-гв. Егерскаго полка у.-о. Ильина, заковавъ, содержать строго подъ арестомъ отдѣльно отъ другихъ. С.-Петербургъ 29 декабря 1825.
45	30	въ 4 ч. по полудни.	Генералъ-маіору Орлову дать видѣться съ братомъ Алексѣемъ и перевести на офицерскую квартиру, давъ свободу выходить, прохаживаться и писать, что хочетъ, но не выходя изъ крѣпости. Письмо доставить Муравьеву. 30 декабря 1825.
46	31	во 2 ч. по полудни.	Генералъ-адъютанту Бенкендорфу поручено мной снять допросъ съ г. Орлова, допустить сдѣлать наединѣ. С. Петербургъ 31 декабря 1825.

Копія съ высочайшихъ собственноручныхъ Его Императорскаго Величества повелѣніевъ на имя мое послѣдовавшихъ съ 14-го по 31-е декабря 1825-го года всего сорокъ шесть, отмѣченные противъ каждаго мною „вѣрно".

Генералъ-адъютантъ *Сукинъ*.

1-го января 1826 года.

№	Когда получены. Число	Часъ.	Мѣсяцъ январь 1826 года.
47	1	въ 8 ч. по полудни.	Графа Якова Булгари посадить подъ строжайшій арестъ по усмотрѣнію вашему. С.-Петербургъ 1 января 1826.
48	2	во 2 ч. по полудни.	Присылаемаго полковника Митькова посадить по усмотрѣнію подъ строгій арестъ. С.-Петербургъ 2 января 1826.
49	—	по полуд. въ 5 ч. въ исходѣ.	Присылаемаго Поливанова содержать подъ арестомъ. С.-П. 2 янв. 1826.
50	—	въ 9 час. вечера.	Присылаемаго Калошина посадить подъ строгій арестъ, гдѣ удобно. Равно и присылаемаго Семенова содержать на гауптвахтѣ, гдѣ удобно, но строго содержа. С.-П. 2 января 1826.

51	—	по полудни въ 12 ч.	Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано карандашемъ: „отдать можно Муравьеву .
			При семъ вложенное письмо въ тотъ же часъ отдано Муравьеву мною ген.-ад. Сукинымъ
52	3	по полудни въ 3 ч.	Присылаемаго Палицына содержать подъ строгимъ арестомъ по усмотрѣнію. С.-Петер. 3 января 1826.
53	—	въ 4 ч. по полудни.	Присылаемаго при семъ Лорера содержать подъ строжайшимъ арестомъ. С.-П. 3 января 1826.
54	—	по полудни въ 12 ч.	Пестеля помѣстить въ Алексѣевскій равелинъ, выведя для того Каховскаго или другого изъ менѣе важныхъ. С.-П. 3 янв. 1826.
55	4	по полун. въ 12 ч.	Присылаемаго Толстого содержать подъ строгимъ арестомъ. С.-П. 4 января 1826.
56	6	въ 5 ч. по полудни.	Присылаемаго Штейнгеля посадить по усмотрѣнію подъ строгій арестъ. С.-П. 6 января 1826.
57	—	по полудни въ 10 ч.	Присылаемаго Крюкова держать подъ строгимъ арестомъ по усмотрѣнію. С.-П. 1826 6 января.
58	6	по полудни въ 11 ч. въ исходѣ.	Присылаемаго Титова посадить подъ арестъ по усмотрѣнію. С.-П. 6 января 1826.
59	—	по полудни въ 12 ч.	Присылаемаго Г. Пушкина содержать подъ арестомъ по усмотрѣнію. С.-П. 6 января 1826.
60	7	въ 3 ч. по полудни.	Присылаемаго Швейковскаго посадить и содержать строго. С.-П. 1826 года 7 января.
61	—	по полудни въ исходѣ 11-го ч.	Присылаемаго Юшневскаго содержать подъ строжайшимъ арестомъ, давъ писать, что хочетъ. С.-П. 7 января 1826.
62	8	въ половинѣ 8 ч. по полудни.	Присылаемыхъ Муравьева и фонъ-Вольскаго посадить по усмотрѣнію и содержать строго, давъ писать, что хотятъ. С.-П. 8 января 1826.
63	—	по полудни въ 9 час.	Присылаемаго П. Нарышкина посадить по усмотрѣнію гдѣ удобнѣе. С.-П. 8 января 1826.
64	8	въ началѣ 11-го час. вечера.	Присылаемаго Лихарева посадить по усмотрѣнію, давъ писать, что хочетъ. С.-П. 8 января 1826.
65	9	по полудни въ 3 час.	Присылаемаго Спир. Булгари посадить, гдѣ лучше; ибо по всему кажется невиноватъ, но смотрѣть строго. С.-П. 9 января 1826.
66	—	по полудни въ 3 час.	Присылаемаго поручика Крюкова посадить, гдѣ лучше и содержать строго, но хорошо, ибо полагать должно невиноватъ. С.-П. 9 января 1826.
67	—	по полудни въ 4 час.	Присылаемаго ш.-капитана Крюкова посадить, гдѣ лучше и содержать строго и хорошо. С.-П. 9 января 1826.
68	10	во 2 ч. по полудни.	Возвращаемаго Спиридона Булгари принявъ, заковать и содержать строго.
			Присылаемаго Николая Булгари посадить по усмотрѣнію; содержа хорошо. С.-П. 10 января 1826.
69	—	по полудни въ 10 час.	Присылаемаго Хотяинцева посадить по усмотрѣнію и содержать строго. С.-П. 10 января 1826.
70	11	по полудни во 2 час.	Полковника Тизенгаузена посадить подъ строгій арестъ по усмотрѣнію. С.-П. 11 января 1826.
71	—	въ 4 ч. по полудни.	Присылаемаго Кашкина содержать строго по усмотрѣнію. С.-П. 11 января 1826.

7	—	по полудни въ половинѣ 9 час.	Присылаемаго ш.-к. Муханова содержать подъ строжайшимъ арестомъ и помѣстить по усмотрѣнію. С.-П. 1. января 1826.
7	-	по полудни въ 12 час.	Присылаемыхъ Авраамова и Бурцова посадить по усмотрѣнію и содержать строго. С.-П. 11 январ- 1826.
14	2	въ 2 ч. по полудни.	Присылаемаго Поджіо содержать подъ строжайшимъ арестомъ, гдѣ удобнѣе. С.-П. 12 января 1826.
17	—	въ 5 ч. по полудни.	Присылаемаго г.-м. фонъ-Визина посадить, гдѣ лучше, но строг и не давать видѣться ни съ кѣмъ. С.-П 12 января 1826.
20		въ 9 ч. вечера.	Присылаемыхъ к. Шишкова и Г. Данзаса и Зубкова содержать подъ арестомъ такъ, какъ содержится Орловъ, но чтобъ отнюдь они другъ друга не видѣли. С.-П. 12 января 1826.
21	3	по полудни въ 4 час.	Присылаемаго Фохта посадить, гдѣ получше; и такъ какъ онъ боленъ, послать ему лѣкаря и буде точно боленъ отправить в гошпиталь. С.-П. 13 января 1826.
28	—	по полудни въ 3 и 10 ч.	Присылаемаго Сабурова посадить по усмотрѣнію и содержать хорошо. С.-П. 13 января 1826.
29	2	по полудни въ 5 час.	Присылаемаго Якушкина заковать въ ножныя и ручныя желѣза; поступать съ нимъ строго и не иначе содержать, какъ злодѣя. С.-П. 14 января 1826.
30	-	по полудни въ исходѣ 8-го час.	Присылаемаго Муравьева отставного полк. посадить по усмотрѣнію, содержа хорошо. С.-П. 14 января 1826.
31	—	по полудни въ 10 час.	Присылаемаго Лепона посадить по усмотрѣнію и содержать хорошо. С.-П. 14 января 1826.
1	1	въ 1 ч. по полуночи.	Присылаемаго к. Сергѣя Волконскаго посадить или въ Алексѣевскомъ равелинѣ, или гдѣ удобно; но такъ, чтобы и о приводѣ его было неизвѣстно. С.-П. 14 января 1826.
62	—	по полудни въ 3 и 5 ч.	Присылаемаго Басаргина и Вольфа посадить по усмотрѣнію. С.-П. 15 января 1826.
84	12	по полудни въ исходѣ 9-го час.	Присылаемаго к. Барятинскаго посадить по усмотрѣнію. С.-П. 15 января 1826.
4	3	по полудни въ началѣ 8-го час.	Присылаемаго Пушкина 1 заковать въ ручныя желѣза и посадить и содержать строго. С.-П. 16 января 1826.
7		въ нач. 9 ч. по полудни.	Присылаемаго Пушкина 2 посадить по усмотрѣнію и содержать хорошо. С.-П. 16 января 1826.
17	12	по полудни въ половинѣ 4-го ч.	Присылаемаго Фролова посадить по усмотрѣнію. С.-П. 17 января 1826.
18		по полудни въ началѣ 12-го час.	Присылаемаго Муравьева отставного п. полковника посадить по усмотрѣнію и содержать строго. С.-П. 17 января 1826.
20	—	по полудни въ началѣ 12-го час.	Содержащагося Артамона Муравьева прислать съ г.-а. Левашовымъ ко мнѣ. С.-П. 17 января 1826.
90	12	въ половинѣ 1 ч. по полуночи.	Присылаемаго злодѣя Муравьева Артамона заковать и содержать какъ наистрожe. С.-П. 17 января 1826.

9[illegible]	—	по полудни въ 3 час.	Присылаемыхъ п. полков. Миклашевскаго, полк. фонъ-деръ-Бригена, порут. б. Черкасова, капит. Пыхачева и капит. Исленьева посадить по усмотрѣнію, содержа хорошо. С.-П. 18 января 1826.
92	19	во 2 ч. по полудни.	Присылаемаго Исленьева держать на [illegible] вахтѣ впредь до приказанія. С.-П. 19 января 1826.
[illegible]	—	по полуд. въ 4 ч. въ начал.	Присылаемаго Загорѣцкаго посадить и содержать строго. С.-П. 19 января 1826.
94	—	въ 12 ч. по полудни.	Присылаемаго Рюмина посадить по усмотрѣнію и содержать, какъ наистроже. Дать писать, что хочетъ. С.-П. 19 января 1826.
95	19	въ 3 ч. по полудни.	Собственною его Императорскаго Величества рукою написано карандашемъ: «Письмо отдать отставному подполковнику Муравьеву-Апостолу».
96	20	во 2 ч. по полудни.	Присылаемаго [illegible]-Визина отставного полковника посадить и содержать строго по усмотрѣнію. С.-П. 20 января 1826.
97	—	по полудни въ 4 час.	Присылаемыхъ Неленина и Капниста содержать хорошо, помѣстя по усмотрѣнію. С.-П. 20 января.
98	21	во 2 ч. по полуночи.	Присылаемаго Сергѣя Муравьева посадить подъ строгій арестъ по усмотрѣнію; онъ раненъ и слабъ, лучше будетъ его посадить въ Алексѣевскій равелинъ и снабдить всѣмъ нужнымъ; лѣкарю велѣть его сейчасъ осмотрѣть и ежедневно дѣлать должный осмотръ и перевязку. С.-П. 20 января 1826.
99	21	по полудни въ 3 час.	Присылаемыхъ Кривцова, Поджіо 2, Раевскаго, Янтальцова и Плещеева посадить и содержать строго, но хорошо. С.-П. 21 января 1826.
100	—	въ 9 ч. по полудни.	Присылаемаго Давыдова посадить по усмотрѣнію и содержать хорошо. С.-П. 21 января 1826.
101	—	въ 10 ч. по полудни.	Присылаемаго г. Олизара содержать строго но хорошо. С.-П. 21 января 1826.
102	—	въ 11 ч. по полудни.	Присылаемаго Борисова 2 содержать строго и хорошо. С.-П. 21 января 1826.
103	22	въ 3 ч. по полудни.	Присылаемыхъ Заикина и Аврамова посадить по усмотрѣнію и содержать строго. С.-П. 22 января 1826.
104	24	въ 1 ч. по полудни.	Присылаемаго Горскина содержать по усмотрѣнію хорошо. С.-П. 24 янгаря 1826.
105	—	по полудни во 2 час.	Присылаемаго жида Давыдку содержать по усмотрѣнію хорошо. С.-П. 24 января 1826.
106	25	въ 1 ч. по полуночи.	Присылаемаго к. Оболенскаго 2 посадить по усмотрѣнію и содержать хорошо. С.-П. 25 января 1826.
107	—	въ 3 ч. по полудни.	Присылаемаго Лядуховскаго посадить по усмотрѣнію и держать строго. Полков. Ругга посадить по усмотрѣнію и содержать хорошо. С.-П. 25 января 1826.
108	—	въ 3 четверти 4 ч. по полудни.	Присылаемаго Плещеева 2 посадить по усмотрѣнію и содержать хорошо. С.-П. 25 января 1826.
109	26	по полуночи во 2 ч.	Можно Кюхельбекера расковать. С.-П. 26 января 1826.
110	2[illegible]	—	Генералу Раевскому дозволяю видѣться въ вашемъ присутствіи съ г. Орловымъ и съ Лихаревымъ и Поджіо 2, но врозь и съ обыкновенною осторожностью. С.-П. 26 января 1826.

111	—	въ 2 ч. по полудни.	Присылаемыхъ Ивашева и Жидкова содержать хорошо и посадить по усмотрѣнію. С.-П. 26 января 1826.
112	—	въ половинѣ 11 ч. по полудни.	Присылаемаго Кюхельбекера посадить и содержать по прежнему. С.-П. 26 января 1826.
113	27	по полудни во 2 час.	Присылаемаго Зыкова посадить по усмотрѣнію и содержать хорошо. С.-П. 27 января 1826.
114	—	въ перв. четверти 12 ч. по полудни.	Присылаемаго *графа Яблоновскаго* посадить, буде возможно въ Алексѣевскій равелинъ или гдѣ лучше и содержать хорошо. С.-П. 27 января 1826.
115	28	по полудни въ 1 час.	Присылаемаго Романова посадить по усмотрѣнію и содержать хорошо. С.-П. 28 января 1826.
116	29	по полудни въ 8 час.	Присылаемаго Мошинскаго посадить по усмотрѣнію и содержать строго. С.-П. 29 января 1826.
117	—	въ 9 ч. по полудни.	Присылаемаго *Ватковскаго 2* посадить по усмотрѣнію и содержать строго. С.-П. 29 января 1826.
118	—	въ 10 ч. по полудни.	Присылаемаго Искритскаго посадить по усмотрѣнію и содержать строго. С.-П. 29 января 1826.
119	30 января.	—	При возвращенномъ письмѣ Одоевскаго на особой бумагѣ карандашемъ собственною Его Императорскаго Величества рукою написано: „Изъ письма Одоевскаго увидите, что онъ что то хочетъ объявить. Пусть напишетъ, а видѣть его мнѣ некогда“, Объявлено генералъ-адъютантомъ Сукинымъ тогда-же 30 января по полудни въ 1-мъ часу.
120	31	въ 1 ч. по полудни.	Присылаемаго П. Фаленберга посадить по усмотрѣнію и содержать хорошо. С.-П. 31 января 1826.
121	—	въ 9 ч. по полудни.	Присылаемаго п. п. Норова посадить по усмотрѣнію и заковавъ, содержать наистрожайше. С.-П. 31 января 1826.
122	—	въ половинѣ 10 ч. по полудни.	Присылаемаго Врангеля посадить по усмотрѣнію и содержать строго. С.-П. 31 января 1826.
123	—	въ 11 ч. по полудни.	Присылаемаго Тютчева посадить по усмотрѣнію и содержать строго. С.-П. 31 января 1826.

№	Когда получены.		Мѣсяцъ февраль 1826 года.
	Число	Часъ.	
124	1	въ 7 ч. по полудни.	Присылаемаго Анненкова посадить по усмотрѣнію и содержать хорошо. С.-П. 1 февраля 1826.
125	—	въ 9 ч. по полудни.	Присылаемаго Берстеля посадить по усмотрѣнію и содержать строго. С.-П. 1 февраля 1826.
126	—	по полудни въ 10 ч.	Присылаемаго Нащокина посадить по усмотрѣнію, содержа хорошо. С.-П. 1 февраля 1826.
127	2	въ 2 ч. по полудни.	Присылаемаго Спиридова посадить по усмотрѣнію и содержать строго. С.-П. 2 февраля 1826.
128	—	по полуд. въ исходѣ 9 ч.	Присылаемаго Паскевича посадить по усмотрѣнію и содержать хорошо. С.-П. 2 февраля 1826

129	3	по полудни въ 10 час.	Присылаемаго Горбачевскаго посадить по усмотрѣнію и содержать строго. С.-П. 3 февраля 1826.
130	—	съисходѣ 11 ч. по полуд.	Присылаемаго Андріевича посадить по усмотрѣнію и содержать строго. С.-П. 3 февраля 1826.
131	—	въисходѣ 12 ч. по полуд.	Присылаемаго Лукашевича посадить, гдѣ лучше, и содержать хорошо. С.-П. 3 февраля 1826.
132	4	въ 2 ч. по полудни.	Присылаемаго Веденяпина посадить по усмотрѣнію и содержать строго С.-П. 4 февраля 1826.
133	1826 февр.	по полудни въ 10 час.	Присылаемаго Безчаснаго посадить по усмотрѣнію и содержать строго. С.-П. 4 февраля 1826.
134	4	въ 10 час.	Карандашемъ собственною Его Императорскаго Величества рукою написано: „письмо вручить можно г. Раевскому; можно дозволить видѣть тѣ же лица, кои въ первый разъ видѣлъ“. Получ. 6 февраля 1826 въ 10 часовъ. Кончилось свиданіе въ 11 часовъ.
135	7	въ 9 ч. по полудни.	Присылаемаго Пестова посадить по усмотрѣнію и содержать строго С.-П. 7 февраля 1826.
136	—	въ 11 ч. по полудни.	Присылаемаго Кирѣева посадить по усмотрѣнію и содержать строго.
137	9	по полудни въ 3 час.	Присылаемаго Торновскаго посадить и содержать хорошо. С.-П. 10 февраля 1826.
138	—	по полудни въ 10 час.	Присылаемаго Громницкаго посадить по усмотрѣнію и содержать строго. С.-П. 10 февраля 1826.
139	9	по полудни въ 12 час.	Присылаемаго Лисовскаго посадить по усмотрѣнію и содержать строго. С.-П. 10 февраля 1826.
140	11	въ 10 ч. по полудни.	Присылаемаго Андріевича 2 посадить, гдѣ удобно, и содержать строго. С.-П. 11 февраля 1826.
141	13	по полудни въ 9 час.	Присылаемаго Комарова посадить по усмотрѣнію и содержать хорошо. С.-П. 13 февраля 1826.
142	14	въ нач. 1 ч. по полудни.	Посылаемаго Франка посадить по усмотрѣнію, содержа строго. С.-П. 14 февраля 1826.
143	—	по полудни въ 3/4 1 ч.	Присылаемаго Юшневскаго 2 посадить по усмотрѣнію и содержать строго. С.-П. 14 февраля 1826.
144	15	по полудни въ 10 ч.	Присылаемаго п. п. Арсеньева посадить и содержать хорошо. С.-П. 15 февраля 1826.
145	—	въ 11 ч. по полудни.	Присылаемаго Красносельскаго 1 посадить и содержать хорошо. С.-П. 15 февраля 1826.
146	16	по полудни въ 9 час.	Присылаемыхъ двухъ Красносельскихъ и Веденяпина 2 посадить по усмотрѣнію и содержать хорошо. С.-П. 16 февраля 1826.
147	18	по полудни въ 4 час.	Присылаемыхъ Фролова 2 и Фурмана посадить и содержать строго. С.-П. 18 февраля 1826.
148	19	по полудни въ 10 час.	Присылаемыхъ Черноглазова, Тиханова и Мозгана посадить по усмотрѣнію и содержать строго. С.-П. 19 февраля 1826..
149	21	по полудни въ 1 час.	Присылаемаго Перетца посадить по усмотрѣнію и содержать строго. С.-П. 20 февраля 1826.
150	22	въ 3 ч по полудни.	Присылаемаго Шимкова, Мозгалевскаго и Шахирева посадить по усмотрѣнію и содержать строго. С.-П. 22 февраля 1826.

Копіи съ высочайшихъ собственноручныхъ Его Императорскаго Величества повелѣніевъ на имя мое послѣдовавшихъ съ 1 января по 1 февраля 1826 г. по сему описанію начиная съ № 47 по 150 № и съ онымъ включительно всего сто четыре, отмѣченные противу каждаго мною «вѣрно».

Генералъ-адъютантъ *Сукинъ*.

6 августа 1826 года.

Императоръ Николай I и М. М. Сперанскій въ Верховномъ судѣ надъ декабристами.

— —

I.

Въ іюльской книгѣ «Историческаго Вѣстника» за 1916 г. напечатана любопытнѣйшая статья великаго князя Николая Михайловича: «Казнь пяти декабристовъ 13 іюня 1826 года и императоръ Николай I.» Великій князь выясняетъ, въ частности, долю участія имп. Николая въ смертномъ приговорѣ пяти декабристамъ, поставленнымъ Верховнымъ уголовнымъ судомъ внѣ разрядовъ. Въ статьѣ великаго князя заслуживаютъ вниманія общія соображенія автора и новыя фактическія данныя, впервые появившіяся въ печати и заключающіяся въ четырехъ письмахъ императора Николая Павловича къ своей матери отъ 10, 12 и 13 іюля 1826 года. 10 іюля—дата утвержденія приговора Верховнаго суда. 13 іюля—дата приведенія приговора въ исполненіе, дня казни декабристовъ.

Общія соображенія, которыми аргументируетъ великій князь, сводятся къ указанію на вліянія «разныхъ вѣрныхъ слугъ и приближенныхъ» въ родѣ Левашова, Чернышева и другихъ изъ числа «судей-палачей», какъ ихъ именуетъ великій князь. Они работали во всю, чтобы «суровость приговора не была черезчуръ смягчена великодушіемъ монарха. Ихъ работѣ помогало и воздѣйствіе на Николая Павловича со стороны матери, императрицы Маріи Ѳеодоровны. «Съ властной матушкой ему пришлось считаться», — пишетъ великій князь.—«Еще въ періодъ дѣтства и юности ему при-

ходилось выслушивать одну и ту же фразу. «Alexandre n'a jamais su punir les assasins de son pére»... Скончалась бы, напримѣръ, Марія Ѳеодоровна, не въ 1828 г., а до процесса декабристовъ, великодушіе ея сына не встрѣтило бы противодѣйствія въ лицѣ чтимой имъ матери, но всѣ обстоятельства слагались какъ-то особенно и не облегчали ему задачи, а только усложняли ее. Постоянное воспоминаніе о покойномъ братѣ, notre ange, «томъ ангелѣ, который былъ невольной причиной его труднаго положенія, тоже сдерживало порывы души, чтобы не омрачить памяти усопшаго. Весь сонмъ окружающихъ царедворцовъ, большинство которыхъ думали исключительно о собственномъ благополучіи и старались выслужиться передъ молодымъ неопытнымъ и мало кому извѣстнымъ новымъ самодержцемъ Россіи, вносилъ только смущеніе въ чуткую душу Николая Павловича».

Доказательство благородства и великодушія Николая Павловича въ дѣлѣ декабристовъ великій князь извлекаетъ изъ публикуемыхъ имъ писемъ къ матери. «Этихъ писемъ, пишетъ великій князь, достаточно, чтобы благородная личность государя заняла въ исторіи подобающее мѣсто, а не сравнивалась съ какимъ-то палачомъ на тронѣ, жаждавшимъ страданій и крови своихъ подданныхъ. Пора эти представленія о Николаѣ I отнести въ область легенды, созданной на почвѣ ненависти и вражды къ этому строгому блюстителю закона, который, быть можетъ, и противъ воли, но долженъ былъ карать нарушителей его и казнить сурово съ первыхъ же дней своего царствованія».

II.

Обратимся къ этимъ письмамъ и къ комментаріямъ. По словамъ комментатора, «тѣ душевныя мученія, которыя испытывалъ Николай Павловичъ въ дни, непосредственно слѣдующіе за рѣшеніемъ Верховнаго суда и исполненіемъ приговора, особенно ярко переданы въ письмахъ государя къ матери, находившейся въ ту пору въ Москвѣ. Въ строкахъ этихъ писемъ безъ всякой прикрасы выражены та тревога, которая владѣла Николаемъ I, и тѣ страданія,

черезъ которыя онъ невольно долженъ былъ пройти раньше, чѣмъ утвердить приговоръ Верховнаго суда».

Вотъ первое изъ напечатанныхъ великимъ княземъ писемъ, написанное 10 іюня 1826 года въ Царскомъ Селѣ.

«Ужасный день насталъ, милая матушка, и, согласно вашего приказанія, я сообщаю вамъ о происшедшемъ. Сегодня я получилъ докладъ Верховнаго суда, составленный кратко, и онъ далъ мнѣ возможность, кромѣ пяти человѣкъ, воспользоваться даннымъ мнѣ правомъ, — не много убавить степень наказанія. Я отстраняю отъ себя всякій смертный приговоръ, а участь пяти наиболѣе жалкихъ предоставляю рѣшенію суда. Эти пять слѣдующіе: Пестель, Рылѣевъ, Каховскій, Сергѣй Муравьевъ и Бестужевъ-Рюминъ; 24 приговорены къ вѣчной каторгѣ вмѣсто смертной казни. Въ числѣ этихъ находятся: Трубецкой, Оболенскій, Волконскій, Щепинъ-Ростовскій и имъ подобные.

Я провелъ тяжелыя сутки и, проходя черезъ покои нашего ангела, я себѣ сказалъ, что за него мнѣ приходится исполнять этотъ ужасный долгъ и что Всемогущій въ Своей милости избавилъ его отъ этихъ мученій. По «да будетъ воля Твоя», и отъ глубины души поблагодаримъ Провидѣніе, что Оно спасло нашу дорогую родину».

Великій князь сопровождаетъ письмо слѣдующимъ комментаріемъ:

«Значитъ, еще 10 іюля, когда Николай Павловичъ получилъ докладъ Верховнаго уголовнаго суда, онъ сталъ волноваться. Онъ преисполненъ чувствомъ великодушія, не желаетъ подписывать смертнаго приговора, думаетъ хоть немного смягчить участь осужденныхъ, словомъ— душевная борьба еще въ зачаткѣ. И, проходя по комнатамъ покойнаго ангела, «notre ange», Николай легко отдаетъ себѣ отчетъ, что страдаетъ изъ-за него, но прощаетъ ему и даже радуется, что чаша мученій миновала Благословеннаго монарха.

«Сколько глубокой драмы въ этихъ размышленіяхъ при прогулкѣ по комнатамъ Александра,—комментируетъ великій князь.—Вѣроятно, Николаю Павловичу пришли на умъ событія ужасной ночи 1801 года, послѣ которыхъ не только не было казней, но даже и суда надъ виновными. А теперь обстановка другая, и приходится сурово наказы-

вать другихъ людей, болѣе преступныхъ въ замыслахъ, чѣмъ въ исполненіи».

Въ комментаріи великаго князя не все можно признать соотвѣтствующимъ дѣйствительности. Въ императорѣ Николаѣ I не происходило никакой душевной борьбы, никакой борьбы великодушія съ суровымъ долгомъ ни въ тѣ дни, когда писались письма, ни въ ближайшее время, непосредственно имъ предшествовавшее. Что смертныя казни по дѣлу декабристовъ должны быть, Николай Павловичъ рѣшилъ про себя задолго до вынесенія приговора въ Верховномъ судѣ, можно сказать, даже до начала дѣятельности Верховнаго суда. Заслуживаютъ сугубаго вниманія слѣдующія, цитированныя еще Н. К. Шильдеромъ, строки письма Николая Павловича къ Константину Павловичу отъ 6 іюня: «Въ четвергъ (3 іюня) начался судъ со всей приличествующей обрядностью; засѣданія не прерываются съ 10 часовъ утра до трехъ часовъ пополудни; при всемъ томъ я не знаю еще, къ какому приблизительно дню это можетъ быть окончено. Затѣмъ наступитъ казнь; ужасный день, о которомъ я не могу думать безъ содроганія».—Но не только содроганіе сопровождало мысли Николая Павловича о неизбѣжныхъ смертныхъ казняхъ. За только что приведенными строками слѣдуетъ еще одна фраза, чрезвычайно характерная для мыслей Николая Павловича. «Затѣмъ наступитъ казнь, ужасный день, о которомъ я не могу думать безъ содроганія... Я предполагаю приказать произвести ее на эспланадѣ крѣпости». Значитъ, мысля о предстоящей казни, императоръ не только содрогался въ мысляхъ, но и рисовалъ въ своемъ воображеніи, какъ все это будетъ, прикидывалъ, выбиралъ мѣсто.

Слѣдуетъ остановиться съ подробностью на утвержденіи, что иниціатива смертной казни была отвергнута Николаемъ Павловичемъ и исходила только отъ Верховнаго суда. Съ такимъ утвержденіемъ слѣдовало бы разъ навсегда покончить.

Извѣстно, что Верховный уголовный судъ поставилъ внѣ разрядовъ пять декабристовъ: Пестеля, Рылѣева, Каховскаго, С. И. Муравьева-Апостола и М. А. Бестужева-Рюмина и положилъ имъ смертную казнь четвертованіемъ. Всѣ остальные раздѣлены на 11 разрядовъ; принадлежавшихъ къ первому (въ числѣ 31 чел.) судъ присудилъ предать

смертной казни черезъ отсѣченіе головы. Получивъ докладъ Верховнаго суда, императоръ Николай замѣнилъ смертную казнь первому разряду вѣчной и срочной каторгой и весьма незначительно смягчилъ наказанія по другимъ разрядамъ. Относительно же пяти внѣразрядныхъ въ указѣ Верховному суду, 10 іюля, было сказано слѣдующее: «участь преступниковъ, кои по тяжести ихъ злодѣяній поставлены внѣ разрядовъ и внѣ сравненія съ другими, предаю рѣшенію Верховнаго уголовнаго суда и тому окончательному постановленію, какое о нихъ состоится». Судъ же, сообразуясь съ монаршимъ милосердіемъ, въ семъ дѣлѣ явленнымъ смягченіемъ казней и наказаній, приговорилъ вмѣсто мучительной смертной казни четвертованіемъ Пестеля, Рылѣева, С. Муравьева-Апостола, М. Бестужева-Рюмина и Каховскаго за ихъ тяжкія злодѣянія повѣсить».

Съ перваго взгляда кажется, что судъ превзошелъ суровостью самого государя, что государь отклонилъ отъ себя утвержденіе смертнаго приговора, что смертная казнь была вынесена судомъ по его собственному почину и сознанію. Такъ и повелось съ давнихъ поръ подчеркивать мягкость Николая Павловича и жестокость суда. Но обратимся къ даннымъ фактическимъ.

«Я отстраняю отъ себя всякій смертный приговоръ»— писалъ Николай Павловичъ матери 10 іюля 1826 года. Но въ этотъ же день, послѣ подписи Высочайшаго указа Верховному суду, начальникъ штаба его величества баронъ И. И. Дибичъ обратился къ предсѣдателю Верховнаго уголовнаго суда князю П. В. Лопухину съ слѣдующимъ письмомъ:

«Милостивый государь князь Петръ Васильевичъ. Въ Высочайшемъ указѣ о государственныхъ преступникахъ на докладъ Верховнаго уголовнаго суда, въ сей день состоявшемся, между прочимъ въ статьѣ 13-й сказано, что преступники, кои по особенной тяжести ихъ злодѣяній не включены въ разряды и стоятъ внѣ сравненія, предаются рѣшенію Верховнаго уголовнаго суда и тому окончательному постановленію, какое о нихъ въ семъ судѣ состоится.

«На случай сомнѣнія о видѣ ихъ казни, какая симъ судомъ преступникамъ опредѣлена быть можетъ, Государь Императоръ повелѣть мнѣ соизволилъ предварить вашу

свѣтлость, что Его Величество никакъ не соизволяетъ не токмо на четвертованіе, яко казнь мучительную, но и на разстрѣляніе, какъ казнь, однимъ воинскимъ преступленіямъ свойственную, ни даже на простое отсѣченіе головы и, словомъ, ни на какую смертную казнь, съ пролитіемъ крови сопряженную.

«Съ истиннымъ почтеніемъ и преданностью имѣю честь быть вашей свѣтлости покорнѣйшій слуга баронъ И. Дибичъ».

Весьма незначительной долей свободы надѣлялъ Николай Павловичъ Верховный уголовный судъ, когда участь пяти декабристовъ предавалъ рѣшенію суда и тому окончательному постановленію, какое о нихъ въ семъ судѣ состоится. Государь заранѣе не соглашался ни на четвертованіе, ни на разстрѣляніе, ни на отсѣченіе головы, словомъ ни на какую казнь, съ пролитіемъ крови сопряженную. Оставалась только висѣлица... Никакого иного выбора Николай Павловичъ суду не далъ. Такимъ образомъ, выходитъ, что Николай Павловичъ, «отстранивъ отъ себя всякій смертный приговоръ», внимательно («не безъ содроганія въ мысляхъ и проходя по комнатѣ ангела») перебралъ всѣ виды смертной казни, сдѣлалъ имъ расцѣнку и намѣтилъ впдъ, наиболѣе соотвѣтствующій положенію вещей.

Письмо барона И. И. Дибича дѣлаетъ лишними всякія разсужденія объ иниціативѣ въ дѣлѣ смертнаго приговора декабристамъ. Письмо это было впервые напечатано мною лѣтъ десять тому назадъ. При яркомъ освѣщеніи этого документа дѣйствительная роль императора Николая Павловича выступаетъ въ очертаніяхъ, ясныхъ до прозрачности.

III.

Но, быть можетъ, допустимо предположить, что выдѣленіе внѣ разрядовъ и обреченіе выдѣленныхъ особо страшной участи было все таки дѣломъ суда, результатомъ собственной его иниціативы.

Въ донесеніи суда государю читаемъ: «Хотя милосердію, отъ самодержавной власти исходящему, законъ не можетъ положить никакихъ предѣловъ, но Верховный уголовный судъ пріемлетъ дерзновеніе представить, что есть

степени преступленія, столь высокія и съ общею безопасностью столь слитныя, что самому милосердію онѣ, кажется, должны быть недоступны». Великій князь Николай Михайловичъ подчеркиваетъ стремленіе Верховнаго суда ограничить самодержца въ его правѣ помилованія. «Не даромъ же, пишетъ великій князь, пять приговоренныхъ къ смертной казни были выдѣлены въ особую категорію какъ бы внѣ разряда. Этимъ выдѣленіемъ изъ числа другихъ, приговоренныхъ тоже къ смертной казни, какъ бы исключалась даже мысль о возможности смягченія ихъ участи. И расчетъ этихъ судей-палачей оказался вѣрнымъ, такъ какъ смягченіе участи пяти было бы уже истолковано, какъ актъ милосердія со стороны новаго государя, который долженъ былъ карать за замыслы, направленные противъ его державнаго предшественника».

Мы уже цитировали письмо Николая Павловича къ брату, цесаревичу Константину Павловичу, заключающее непреложное свидѣтельство о твердомъ и безповоротномъ рѣшеніи Государя—еще до начала дѣятельности Верховнаго суда—завершить процессъ декабристовъ смертными казнями. «Я предполагаю произвести ихъ на эспланадѣ крѣпости». Верховный судъ не долженъ былъ внести ни малѣйшаго измѣненія въ Высочайшій планъ, да если бы онъ и захотѣлъ измѣнить что-либо, не могъ бы сдѣлать этого, не могъ бы въ силу Высочайше же опредѣленныхъ ему условій предѣловъ дѣятельности. При выясненіи отношеній Николая Павловича къ участи привлеченныхъ къ суду декабристовъ необходимо отдать отчетъ въ томъ, въ какой мѣрѣ былъ самостоятеленъ Верховный судъ въ своей работѣ и въ своихъ заключеніяхъ. Для этого слѣдуетъ обратить вниманіе на организацію Верховнаго уголовнаго суда.

Н. К. Шильдеръ въ своемъ трудѣ объ императорѣ Николаѣ I напечаталъ цѣлый рядъ документовъ по исторіи Верховнаго суда. Одного внимательнаго обзора этихъ документовъ было бы достаточно для заключенія о томъ, что для самостоятельной инициативы Верховнаго суда не было мѣста. Обращеніе же къ хранящимся въ архивѣ, неопубликованнымъ еще матеріаламъ неотвратимо приводитъ изслѣдователя къ ясному и опредѣленному выводу, что Верховный уголовный судъ явился чистѣйшей комедіей.

Въ такомъ утвержденіи можно заподозрѣть элементъ публицистическій, но въ дѣйствительности самый сухой и точный историкъ не протестовалъ бы противъ такого внѣшне-публицистическаго вывода, если бы ознакомился съ архивнымъ матеріаломъ.

Верховному уголовному суду при началѣ его занятій были преподаны тщательныя указанія о процессѣ судопроизводства какъ въ оглашенныхъ въ судѣ «дополнительныхъ степеняхъ обряда», такъ и конфиденціальныхъ разъясненіяхъ предсѣдателю суда. Всѣ дѣйствія суда были строго предопредѣленными. Такъ, напримѣръ, суду предписано было выбрать комиссію, которая должна была произвести «надлежащее положенное законами удостовѣреніе въ слѣдствіи». Форма выраженія даетъ поводъ думать, что комиссія эта могла бы проявить нѣкоторую самостоятельность, производя судебное слѣдствіе. Но въ конфиденціальномъ сообщеніи предсѣдателю ревизіонной комиссіи были поставлены точныя рамки дѣйствій. Членамъ комиссіи было запрещено вступать въ объясненія съ подсудимыми. Комиссія должна была предъявить и получить отвѣты на три вопроса: 1) рукой ли подсудимаго подписаны показанія, данныя имъ въ слѣдственной комиссіи, 2) добровольно ли подписаны показанія и 3) была ли дана очная ставка. «Только эти вопросы»,—никакихъ другихъ не могла ставить комиссія. Этими тремя вопросами исчерпывалась та сторона судебнаго процесса, что теперь называется судебнымъ слѣдствіемъ. Ничего соотвѣтствующаго «судебнымъ преніямъ преніямъ сторонъ» въ Верховномъ уголовномъ судѣ не было

Но кто же разработалъ такъ тщательно программу дѣятельности Верховнаго уголовнаго суда,—кто предопредѣлилъ ходъ дѣйствій суда до такой степени, что не оставилъ мѣста ни мысли, ни волѣ, ни иниціативѣ его членовъ?

Конечно, имп. Николай Павловичъ. Дѣятельнѣйшую же ему помощь въ разработкѣ плана работъ Верховнаго суда оказалъ никто иной, какъ Михаилъ Михайловичъ Сперанскій.

IV.

Слѣдственная комиссія еще не завершила порученнаго дѣла, а Николай Павловичъ уже ей трудился надъ деталь-

ной разработкой программы суда надъ декабристами. Докладъ слѣдственной комиссіи помѣченъ 30 мая 1826 года, но уже въ началѣ мая началась заготовка бумагъ касательно организаціи Верховнаго уголовнаго суда. Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ этихъ подготовительныхъ работахъ былъ самъ государь, въ учрежденіи и дѣятельности Верховнаго суда проявившій столь же широкую высочайшую инициативу, какая бросается въ глаза при знакомствѣ съ дѣйствіями слѣдственной комиссіи. Ближайшимъ помощникомъ Николая Павловича въ работахъ о Верховномъ судѣ, дѣятельнымъ исполнителемъ его предначертаній явился Михаилъ Михайловичъ Сперанскій. Участіе его въ Верховномъ судѣ надъ декабристами—самая неизвѣстная и темная страница его біографіи [1]). А эта страница изъ такихъ, что бросаютъ яркій свѣтъ на весь душевный складъ, вскрываютъ подлинную психологію сего государственнаго мужа. Данныя, ярко характеризующія эту сторону дѣятельности Сперанскаго, въ изобиліи имѣются въ архивномъ производствѣ Верховнаго суда. Опубликованіе архивныхъ документовъ принесетъ истинное открытіе біографамъ Сперанскаго.

Членами суда были очень многіе, но участіе всѣхъ ихъ представляется рядовымъ. Объ участіи же Сперанскаго можно безъ преувеличенія заявить, что на немъ держалось все дѣло. Перечисляя имена, способныя въ то время вызвать довѣріе, великій князь во всемъ составѣ суда отмѣчаетъ два имени: И. В. Васильчикова и М. М. Сперанскаго и о Сперанскомъ говоритъ, что онъ «умышленно старался быть въ тѣни и избѣгалъ высказывать свое мнѣніе». Первую половину утвержденія можно принять, но во второй своей части утвержденіе нуждается въ значительныхъ оговоркахъ. Мнѣніемъ Сперанскаго, находившимъ крѣпкую опору въ

---

[1]) Объ участіи М. М. Сперанскаго въ организаціи и дѣятельности Верховнаго суда находимъ совершенно бѣглое упоминаніе въ работѣ Н. П. Павлова-Сильванскаго о П. И. Пестелѣ. Болѣе подробное и опредѣленное заявленіе объ этой роли М. М. Сперанскаго было сдѣлано мною въ работѣ о П. Г. Каховскомъ („Былое“ 1906 г. январь-февраль). По моимъ слѣдамъ сдѣлалъ открытіе о роли М. М. Сперанскаго и князь Н. В. Голицынъ, напечатавшій въ „Русскомъ Историческомъ Журналѣ“ 1917, кн. 1—2) статью „М. М. Сперанскій въ Верховномъ судѣ—надъ декабристами“.

мысляхъ государя, питалась вся дѣятельность суда. Сперанскій разработалъ до послѣдней ниточки всю процессуальную сторону дѣла, набросалъ программу всѣхъ дѣйствій суда, опредѣлилъ все направленіе дѣятельности суда какъ по формѣ, такъ и по существу. Это онъ подвелъ юридическій фундаментъ подъ это дѣло, собравъ всѣ прецеденты и всѣ подходящіе пункты и статьи изъ старыхъ указовъ и законовъ.

На основаніи многочисленныхъ черновиковъ, тщательно сохраненныхъ въ архивѣ и до сихъ поръ не привлекавшихъ интереса изслѣдователей, можно утверждать, что почти ни одна бумага по Верховному уголовному суду не миновала рукъ М. М. Сперанскаго, этого «рядового» члена судебнаго трибунала. Всѣ судебные акты, всѣ доклады составлены и записаны начерно М. М. Сперанскимъ, и черновики изобличаютъ серьезнѣйшую и напряженнѣйшую работу мысли. Рескрипты самого государя предсѣдателю Верховнаго суда, министру юстиціи, военному министру начерно написаны Сперанскимъ. И даже цитированное нами замѣчательное письмо барона П. Х. Дибича къ князю П. В. Лопухину о смертной казни, съ пролитіемъ крови несопряженной, — увы! — сохранилось тоже въ черновикѣ руки М. М. Сперанскаго. Онъ руководилъ дѣйствіями предсѣдателя Верховнаго суда, не давая ему замѣтить своего руководственнаго вліянія. Сохранились въ архивѣ писанные Сперанскимъ брульоны тѣхъ вопросовъ и тѣхъ распоряженій, которые предсѣдатель долженъ былъ предложить и сдѣлать въ засѣданіяхъ суда. Сохранилась набросанная М. М. Сперанскимъ детальнѣйшая программа засѣданій суда съ указаніемъ, что, въ какой день и часъ долженъ дѣлать Верховный судъ. Въ случаяхъ возникновенія недоумѣній, не предусмотрѣнныхъ въ инструкціяхъ, предварительно до суда разработанныхъ Сперанскимъ, Сперанскій подсказывалъ предсѣдателю необходимыя рѣшенія; не надѣясь на его память, Сперанскій набрасывалъ собственноручно проекты разрѣшенія недоумѣній.

Роль М. М. Сперанскаго сознавалась членами суда, и при выборѣ въ комиссію по распредѣленію разрядовъ 11 голосовъ изъ 14 (по куріи Государственнаго Совѣта) было подано за М. М. Сперанскаго, остальные три голоса

разбились и были поданы за трехъ членовъ суда. Одинъ изъ этихъ трехъ голосовъ принадлежалъ самому М. М. Сперанскому и былъ поданъ за А. С. Шишкова.

Будучи избранъ въ комиссію по распредѣленію разрядовъ, Сперанскій явился главнымъ и единственнымъ дѣятелемъ комиссіи. Подъ его руководствомъ комиссія «опредѣлила главные роды преступленія, отличила въ каждомъ родѣ всѣ его виды и, оставивъ ихъ въ порядкѣ постепенности, произвела начала разрядовъ». Докладъ разрядной комиссіи напечатанъ въ трудѣ Н. К. Шильдера. Желающіе могутъ полюбоваться схематической стройностью созданной М. М. Сперанскимъ лѣстницы наказаній. Эта схематическая изысканность — отличительный признакъ творчества Сперанскаго, странно роднящій этотъ разрядный планъ съ другимъ его произведеніемъ – «Планомъ государственнаго устройства Россіи». Надо прибавить, что комиссія по разрядамъ, т. е. Сперанскій, не ограничилась выполненіемъ чисто теоретическихъ заданій, а еще... только для примѣра,—исключительно для примѣра, сдѣлала и практическое примѣненіе, распредѣливъ по разрядамъ всѣхъ подсудимыхъ. Это примѣрное распредѣленіе цѣликомъ было принято судомъ. Бумаги разрядной комиссіи всѣ составлены и набросаны начерно М. М. Сперанскимъ. Черновики его показываютъ, что Сперанскій потратилъ массу труда и энергіи на распредѣленіе по разрядамъ. Онъ перечелъ всѣ отдѣльныя дѣла, конспективно обозначилъ специфическіе признаки преступленій. Трудъ разрядной комиссіи былъ въ полной мѣрѣ и неприкосновенности воспринятъ Верховнымъ судомъ.

Сперанскій былъ избранъ и въ комиссію по составленію доклада и составилъ всеподданнѣйшее донесеніе Верховнаго суда; черновики этого донесенія также сохранились въ большомъ количествѣ. Наконецъ, онъ же редактировалъ и отвѣтъ на это донесеніе—Высочайшій указъ отъ 10 іюля. Оставаясь рядовымъ членомъ суда, онъ докладывалъ время отъ времени о ходѣ дѣлъ Государю и просилъ у него разъясненій—лично и черезъ начальника главнаго штаба барона И. И. Дибича.

Чѣмъ объяснить такую ревность въ этомъ дѣлѣ М. М. Сперанскаго и такой выборъ помощника со стороны государя?

Не тѣмъ ли, что имя Сперанскаго связано какими-то нитями съ движеніемъ декабристовъ, что это имя произносилось неоднократно во время производства дѣла? Заговорщики относились къ Сперанскому съ уваженіемъ, прочили его во временное правительство. Ходили слухи, что при успѣхѣ возстанія Сперанскій перешелъ бы на сторону возставшихъ и т. д. Правда, слѣдственная комиссія не нашла никакого подтвержденія этимъ слухамъ, но осталось какое-то подозрѣніе, тѣнь подозрѣнія, а предшествовавшая судьба Сперанскаго питала такія подозрѣнія. А подозрительнѣе всѣхъ членовъ слѣдственной комиссіи былъ Николай Павловичъ. Онъ привлекъ Сперанскаго къ активнѣйшему участію въ процессѣ не только потому, что онъ былъ самый дѣльный и самый умный изъ всѣхъ сановниковъ. Въ этомъ привлеченіи чудятся иные психологическіе мотивы, аналогичные тѣмъ, которые побудили императора Павла Петровича приказать Орлову нести прахъ убитаго имъ Петра Федоровича. Не безъ злорадиаго чувства, надо полагать, Николай Павловичъ поручалъ Сперанскому судить и распредѣлять наказанія—отъ ссылки на поселеніе до смертной казни—декабристамъ, среди которыхъ у Сперанскаго было не мало и личныхъ знакомыхъ. Николай Павловичъ правильно расчиталъ, что при распредѣленіи вины, при назначеніи наказаній, Сперанскій при всемъ желаніи быть мягкимъ, несомнѣнно, усугубитъ строгость, ибо малѣйшее снисхожденіе съ его стороны было бы истолковано, какъ свидѣтельство о сочувственномъ отношеніи Сперанскаго къ декабристамъ, а вся дальнѣйшая жизненная и служебная карьера Сперанскаго возможна была только подъ условіемъ рѣшительно доказаннаго отсутствія какихъ-либо отношеній и сношеній его съ мятежниками.

Дочь Сперанскаго разсказываетъ, что ея отецъ сильно волновался и плакалъ по ночамъ во время процесса. Вспомнимъ душевный обликъ Сперанскаго,—мягкосердечнаго человѣка, далекаго отъ бытовой гущи жизни, отдавшаго дань мистическимъ увлеченіямъ своего времени; оцѣнимъ противоестественность того занятія, въ которое онъ ушелъ съ головой въ маѣ, іюнѣ, іюлѣ 1826 года, и пожалѣемъ его за ночныя рыданія и слезы.

Первыя сношенія Николая Павловича со Сперанскимъ

по вопросу объ организаціи суда начались въ началѣ мая. Уже 6 мая Сперанскій набросалъ черновикъ манифеста о Верховномъ судѣ. 23 мая баронъ И. И. Дибичъ писалъ Сперанскому: «Государь императоръ, не имѣя съ собою бумагъ, представленныхъ вами касательно учрежденія Верховнаго суда, повелѣть мнѣ соизволилъ сообщить вашему превосходительству, что его императорскому величеству угодно, дабы вы приказали перебѣлить другой экземпляръ съ имѣющихся у васъ черновыхъ, исправивъ по замѣчаніямъ, кои были сдѣланы его императорскимъ величествомъ, и съ сими бумагами изволили пожаловать ко мнѣ завтра въ 6 часовъ вечера для разсмотрѣнія обще съ военнымъ министромъ. Если бы однако сихъ бумагъ не успѣли переписать начисто, то въ такомъ случаѣ не угодно ли будетъ привезти хоть черновыя». А 29 мая военный министръ Татищевъ сообщилъ Сперанскому: «Государю императору благоугодно, чтобы ваше превосходительство прибыли завтра въ Царское Село, такъ чтобы быть послѣ обѣдни у его императорскаго величества и представить бумаги по Верховному суду» Объ этой бесѣдѣ Николая Павловича со Сперанскимъ сохранилась память въ слѣдующей записочкѣ государя барону Дибичу, представившему нѣкоторые перебѣленные проекты по Верховному суду: «C'est parfaitement bien. J'ai eu une longue conversation avéc Spéransky. Elle s'est passè d'une manière fort calme et amicale. «Это (т. е. бумаги) очень хорошо. У меня была долгая бесѣда со Сперанскимъ. Она прошла въ весьма спокойномъ и дружественномъ тонѣ, и онъ принесъ повинную». Въ пользу Сперанскаго краснорѣчиво говорило блестящее выполненіе предначертаній по организаціи и учрежденію Верховнаго суда. Но Николай Павловичъ потребовалъ отъ Сперанскаго не только этой, чисто теоретической работы; онъ потребовалъ чтобы Сперанскій, оставаясь рядовымъ членомъ суда, былъ главнымъ его дѣятелемъ, руководителемъ и исполнителемъ всѣхъ желаній государя. Для насъ нѣтъ сомнѣнія, что между государемъ и Сперанскимъ были обусловлены и выяснены въ общихъ чертахъ и схема распредѣленія подсудимыхъ по разрядамъ и предѣлы «неизбѣжной» смертной казни.

Мы не хотимъ, впадая въ ошибку, утверждать, что, не

будь предопредѣленъ ходъ и исходъ дѣятельности Верховнаго суда, члены суда, предоставленные собственному своеволію, вынесли бы болѣе мягкій приговоръ и побѣдили бы императора Николая I въ великодушіи и милосердіи. Справедливо говоритъ великій князь Николай Михайловичъ, что члены, выбранные въ комиссію для распредѣленія по разрядамъ, не отличались ни умомъ, ни высокимъ качествомъ души. Въ этомъ случаѣ—внѣ давленія Высочайшей воли и руководства Сперанскаго—приговоръ суда, несомнѣнно, былъ бы безпорядочнѣе, безтолковѣе и, можетъ быть, даже строже. Но суть въ томъ, что даже при такомъ составѣ суда, который обезпечивалъ желанный приговоръ, Николай Павловичъ ничего не оставилъ на долю своеволія, самостоятельности суда и явился единственнымъ вершителемъ дѣла.

Одно имя надо выдѣлить въ этомъ Верховномъ судѣ—имя члена Государственнаго Совѣта, извѣстнаго адмирала Н. С. Мордвинова. Онъ одинъ изъ всѣхъ членовъ суда (въ томъ числѣ и представителей духовнаго сословія) подалъ голосъ противъ смертной казни кому-либо изъ подсудимыхъ.

Такимъ образомъ, должно признать несоотвѣтствующимъ утвержденіе, что судъ вліялъ на Николая Павловича и въ чемъ-то ограничивалъ милосердіе и великодушіе.

V.

Письмо Николая Павловича къ Маріи Ѳеодоровнѣ, написанное 10 іюля въ день утвержденія приговора Верховнаго суда, и приведенное во второй главѣ нашей статьи, дало великому князю Николаю Михайловичу поводъ поставить вопросъ о душевной борьбѣ, вызванной приговоромъ суда. Великій князь высказываетъ мнѣніе, что въ это время «душевная борьба была еще въ зачаткѣ», но надо принять во вниманіе, что письмо писано императоромъ Николаемъ уже послѣ утвержденія имъ приговора. Если и была въ душѣ Николая Павловича борьба, то 10 іюля мы могли бы наблюдать не начало, а конецъ этой борьбы, разрѣшившейся въ актѣ утвержденія приговора. Но все, что мы знаемъ теперь объ организаціи Верховнаго уголовнаго суда

и отношеніи къ этому дѣлу Николая Павловича, неотвратимо приводитъ насъ къ убѣжденію, что, если и была борьба въ его душѣ, то она была закончена еще до начала дѣятельности суда, ибо опредѣленное рѣшеніе о неизбѣжности смертной казни было окончательно принято имъ до открытія дѣйствій суда. Ограничимся этимъ выводомъ и не будемъ искать момента, когда началась и когда завершилась душевная борьба Николая Павловича. Не поясняя и не доказывая нашего утвержденія, скажемъ, что эта борьба началась и кончилась 14 декабря 1825 года.

Душевная тревога, обуявшая Николая Павловича, возникла не изъ тѣхъ душевныхъ глубинъ, въ которыхъ рождается чувство великодушія и чистаго благородства. Біографы императора Николая I признаютъ, что событія 14 декабря произвели на него сильнѣйшее впечатлѣніе и имѣли рѣзкое и длительное, вплоть до его смерти, вліяніе во всѣхъ проявленіяхъ его личной жизни и въ направленіи его государственной политики. Внутренняя политика была предопредѣлена этими событіями на все время царствованія Николая I. 14 декабря 1825 года его душевный организмъ перенесъ глубокое потрясеніе, отъ котораго онъ потомъ уже не оправился. Николай Павловичъ ужаснулся и испугался. Острое чувство страха 14 декабря проникло все его существо и затѣмъ перешло въ хроническое состояніе боязни и опасенія. Всю свою остальную жизнь Николай Павловичъ сильно боялся проявленій общественности, причемъ общественность мыслилась имъ, какъ все иное, не получившее начала жизни въ нѣдрахъ правительства. Страхъ, испытанный Николаемъ Павловичемъ, нарушилъ правильное воспріятіе имъ дѣйствительности; страхъ искажалъ размѣры воспринимаемыхъ имъ явленій жизни. Въ дѣйствительности, и одной десятой не существовало того, что рисовало воображеніе, распаленное чувствомъ страха. Активность общественнаго движенія за время царствованія императора Николая Павловича поразительна по своей незначительности, ничтожности, но какое потрясающее значеніе придавалъ малѣйшимъ проявленіямъ броженія оппозиціи ревностно слѣдившій за ними Николай Павловичъ и съ нимъ его помощники! Чувство страха, боязни, опасеній застило ему глаза. И эта основная особенность —

неправильное воспріятіе дѣйствительности, искаженіе ея подъ вліяніемъ чувства страха, — наложила печать на всю его жизнь, на все его царствованіе. Всѣ благіе порывы, которые появлялись у него, не могли быть осуществлены при наличности такого сумбурнаго представленія о русской жизни.

Чувство страха мощно овладѣло Николаемъ Павловичемъ съ памятнаго дня 14 декабря. Боязнь, какъ бы слѣдствіе чего-либо не оставило неоткрытымъ, заставила Николая Павловича стать во главѣ слѣдственной комиссіи, заставила не только неустанно слѣдить за всѣми ея дѣйствіями, но и самому опуститься до роли производящаго дознаніе, самому чинить допросы, самому давать приказанія объ арестахъ, самому распоряжаться о порядкѣ содержанія Сохранилось не мало свидѣтельствъ о крайне нервномъ и тревожномъ состояніи его духа въ это время. Но слѣдствіе надо было когда-нибудь закончить. Въ маѣ 1826 года оно было оборвано, и приказано было писать докладъ. Несомнѣнно, Николай Павловичъ, несмотря на заявленіе комиссіи объ уничтоженіи всѣхъ корней заговора, остался въ увѣренности, что гдѣ-то таятся неоткрытые друзья и сообщники декабристовъ, что вотъ-вотъ они выступятъ и отомстятъ Наконецъ, слѣдствіе окончено, начинаются засѣданія суда но тревога не прекращается. Хотѣлось бы все кончить чинно, въ порядкѣ, по плану, тщательно разработанному «про себя». «Я прикажу произвести казни на эспланадѣ крѣпости». Но тутъ сторожитъ тревога: а вдругъ враги внесутъ замѣшательство и «чинъ» нарушится! Чѣмъ ближе къ концу, тѣмъ тревога и смятеніе сильнѣе! Скорѣй бы, скорѣй! Въ этомъ тревожномъ состояніи писано 12 іюля второе изъ опубликованныхъ великимъ княземъ писемъ къ матери, императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ:

«Милая и добрая матушка. Приговоръ состоялся и объявленъ виновнымъ. Не поддается перу, что во мнѣ происходитъ; у меня какое то лихорадочное состояніе, которое я не могу опредѣлить. Къ этому, съ одной стороны, примѣшано какое-то особое чувство ужаса, а съ другой, благодарности Господу Богу, Коему было благоугодно, чтобы этотъ отвратительный процессъ былъ доведенъ до конца. Голова моя положительно идетъ кругомъ. Если я добавлю

къ этому о томъ количествѣ писемъ, которыя ко мнѣ ежедневно поступаютъ, одни—полныя отчаянія, а другія—написанныя въ состояніи умопомѣшательства, то могу васъ увѣрить, любезная матушка, что только одно чувство ужасающаго долга на занимаемомъ посту заставитъ меня терпѣть всѣ эти муки. Завтра, въ три часа утра это дѣло должно совершиться. Вечеромъ надѣюсь вамъ сообщить объ исходѣ».

Великій князь Николай Михайловичъ сопроводилъ письмо слѣдующимъ комментаріемъ: «По тону письма отъ 12 іюля замѣтно, что тревожное состояніе государя дошло до высшей мѣры, такъ какъ казнь пятерыхъ должна была состояться на зарѣ слѣдующаго дня. Но за эти два дня, т. е. съ 10 по 12 іюля, черезъ сколько различныхъ вліяній долженъ былъ пройти Николай Павловичъ, когда жены, матери и сестры осужденныхъ умоляли его о помилованіи или смягченіи участи осужденныхъ, а разные генералъ-адьютанты изъ бывшаго состава слѣдственной комиссіи дѣйствовали въ обратную сторону, умоляя не идти на уступки. Имена этихъ «преданныхъ» генералъ-адьютантовъ были на устахъ у всѣхъ въ ту пору, а главныхъ назовемъ и теперь. То были А. И. Чернышевъ, В. В. Левашовъ и графъ Голенищевъ-Кутузовъ».

Генералъ-адьютантамъ не было надобности умолять государя не идти на уступки, такъ какъ участь декабристовъ давно была рѣшена въ его сердцѣ. Неустанныя просьбы матерей и женъ доставляли не столько тревоги, сколько опасенія, какъ бы не вышло какихъ безпорядковъ при самомъ совершеніи смертной казни. И къ этому послѣднему моменту трагической исторіи декабристовъ императоръ отнесся также дѣйственно, внимательно и ревностно, какъ къ слѣдствію и суду. Надо было распорядиться, гдѣ, какъ и когда произвести ту смертную казнь, къ которой давно уже въ своихъ мысляхъ обращался Николай Павловичъ. Сначала онъ мыслилъ о ней съ нѣкоторымъ содроганіемъ, затѣмъ, входя въ своемъ воображеніи во всѣ фактическія подробности будущей казни, онъ постепенно освоился съ нею и наканунѣ 13 іюля могъ отнестись къ этому дѣлу чисто дѣловымъ образомъ. О часѣ казни онъ написалъ барону И. И. Дибичу слѣдующую записку: «Я полагаю на-

начнить часъ вамъ вмѣстѣ съ Кутузовымъ; я считаю въ 7 часа утра: такъ чтобы отъ 3 до 4 часовъ могла кончиться обѣдня, и ихъ можно было бы причастить. Существуетъ одинъ любопытный документъ, о которомъ говоритъ намъ П. К. Шильдеръ. Самъ Шильдеръ не только не привелъ его въ своемъ трудѣ о Николаѣ I, но даже и не упомянулъ о немъ. Это—составленный и собственноручно написанный Николаемъ Павловичемъ съ многочисленными помарками обрядъ, по которому должна была быть совершена казнь и экзекуція надъ декабристами.

Но вотъ настало утро 13 іюля, смертная казнь совершилась и въ этотъ день Николай Павловичъ писалъ два раза матери. Сначала записочка: «Пишу на скорую руку—два слова, милая матушка, желая вамъ сообщить, что все совершилось тихо и въ порядкѣ: гнусные и всѣ себя гнусно безъ всякаго достоинства. (Les misérables se sont conduits en misérables, avec une lâcheté complète). Сегодня вечеромъ выѣзжаетъ Чернышевъ, и, какъ очевидецъ, можетъ разсказать вамъ всѣ подробности. Извините за краткость изложенія, но, зная и раздѣляя ваше безпокойство, милая матушка, я хотѣлъ довести до вашего свѣдѣнія то, что для васъ уже стало извѣстнымъ».

Перемѣну настроенія отмѣчаетъ великій князь Михаилъ Михайловичъ: «13 іюля тонъ записки къ матери уже измѣняется. Встрѣчаются выраженія: misérable, lâcheté... Проскальзываетъ между строкъ нота удовлетворенія, что все кончилось благополучно, а безпокойство матери раздѣлялъ и государь. Изъ этого слѣдуетъ заключить, что приближенный генералитетъ увѣрялъ Николая Павловича въ возможности крупныхъ безпорядковъ въ столицѣ въ день совершенія казни пяти и чтенія приговора остальнымъ осужденнымъ. Нашлись люди, которымъ казалось выгоднымъ поддерживать чувство тревоги въ волновавшемся при тягостныхъ условіяхъ государѣ».

Врядъ ли ссылка на генералитетъ можетъ оправдать дѣйствительное положеніе. Послѣ 14 декабря Николай Павловичъ уже не могъ воспринимать явленій обыкновенной жизни въ масштабѣ, соотвѣтствующемъ дѣйствительности. И если бы генералитетъ постарался представить

значительности въ происшедшемъ событіи, онъ просто потерялъ бы всякое довѣріе у своего повелителя.

Подробно о событіяхъ 13 Іюля Николай Павловичъ писалъ въ письмѣ, писанномъ изъ Петербурга. (Въ моментъ казни Николай Павловичъ находился въ Царскомъ).

«Милая матушка. Часъ тому назадъ мы вернулись сюда, и по полученнымъ свѣдѣніямъ, вездѣ все спокойно, царитъ единодушное возмущеніе, а что все, наконецъ, кончено, производитъ всеобщее довольство. Подробности казни (т. е. чтенія приговора и самой казни), какъ она ни ужасна, убѣдили всѣхъ, что одураченные люди заслужили эту кару: почти никто изъ нихъ не раскаялся; зато пять казненныхъ проявили большое чувство раскаянія, особенно Каховскій, который, идя на смерть, сказалъ, что молится за меня. Его единственнаго я и жалѣю. Да проститъ ему Господь и умиротворитъ его душу. Войска были великолѣпны, и духъ ихъ прекрасный. Завтра мы на площади отслужимъ молебствіе; эстрада находится какъ разъ на томъ мѣстѣ, гдѣ погибъ несчастный Милорадовичъ.

«Будетъ все это грустно, но и торжественно, когда вспомнишь объ этомъ днѣ жестокаго испытанія и ужаса.

«А для меня всегда будетъ утѣшеніемъ въ жизни мысль о томъ, что нашъ ангелъ избавился отъ происшедшаго, что наша честь спасена и что Господь далъ новое доказательство своей милости къ нашей дорогой родинѣ»...

«Это заключительное письмо весьма характерно,—пишетъ великій князь,—Николай Павловичъ, хотя замѣтно доволенъ, что вся эта драма закончилась, но проявляетъ чувство сожалѣнія не только къ заблудшимъ, но и къ казненному Каховскому... Николая печалитъ мысль, что громадное большинство не проявило раскаянія при чтеніи приговора... Но все-таки въ настроеніи государя при возвращеніи въ столицу изъ Царскаго Села преобладали ноты довольства и удовлетворенія, что войска оказались на высотѣ своего призванія, что нигдѣ не произошло ни инцидентовъ, ни безпорядковъ, словомъ, что все для внѣшняго міра прошло съ присущей торжественностью».

На самомъ дѣлѣ смертная казнь прошла вовсе не такъ торжественно. Спокойное выполненіе обряда было нарушено неожиданнымъ инцидентомъ: оборвалась веревка, и трое

[illegible] не [illegible]ненныхъ упали на землю. Вышелъ безпорядокъ. [illegible] то, очевидно, и оказалось, что «гнусные [illegible] [illegible]». О сценѣ, разыгравшейся при этомъ [illegible] [illegible]ствуетъ разсказъ княгини Е. И. Трубецкой и А. Г. Муравьевой; его приводитъ великій князь Николай Михайловичъ: «13 іюля во всѣхъ аристократическихъ кружкахъ Петрограда разсказывали, какъ достовѣрное, сдѣлавшееся извѣстнымъ черезъ молодого адъютанта Кутузова, что изъ трехъ сорвавшихся поднялся на ноги весь окровавленный Рылѣевъ и, обратившись къ Кутузову, сказалъ: «Вы, генералъ, вѣроятно, пріѣхали посмотрѣть, какъ мы умираемъ въ мученіяхъ». Когда же неистовый возгласъ Кутузова:—«Вѣшайте ихъ скорѣе снова»—возмутилъ спокойный, предсмертный духъ Рылѣева, этотъ свободный, необузданный духъ передового заговорщика вспыхнулъ прежней неукротимостью и вылился въ слѣдующемъ отвѣтѣ: «Подлый опричникъ, тиранъ. Дай же палачу твой эксельбанты, чтобы намъ не умирать въ третій разъ».

Великій князь Николай Михайловичъ, приведя этотъ разсказъ, добавляетъ: «по тѣмъ данымъ, которыя мы имѣемъ, Рылѣевъ съ петли не срывался и умеръ сразу». Но утвержденіе великаго князя неправильно. Какъ разъ мы располагаемъ точными оффиціальными данными о томъ, что сорвались съ петель Рылѣевъ, Каховскій и Муравьевъ. Великому князю осталось неизвѣстнымъ опубликованное мной еще въ 1906 г. («Былое», мартъ, 232) донесеніе наблюдавшаго за совершеніемъ смертной казни генералъ-адъютанта Голенищева-Кутузова. Вотъ оно:

«Экзекуція кончилась съ должной тишиной и порядкомъ, какъ со стороны бывшихъ въ строю войскъ, такъ и со стороны зрителей, которыхъ было немного. По неопытности [illegible] палачей и неумѣнію устраивать висѣлицы, при первомъ разѣ трое, а именно: Рылѣевъ, Каховскій и Муравьевъ сорвались, но вскорѣ опять были повѣшены и получили заслуженную смерть. О чемъ Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйше доношу».

Таковы дѣйствительныя отношенія императора Николая Павловича къ казни пяти декабристовъ.

Николай I и осужденные декабристы.

Декабристъ баронъ В. Н. Штейнгель, находившійся на поселеніи въ селѣ Елани, Иркутской губерніи, въ концѣ 1836 года обратился по начальству съ просьбой объ исходатайствованіи ему прощенія въ сердцѣ государя императора Николая Павловича. «Сія милость есть потребность души его на часъ смертный»—гласилъ всеподданнѣйшій докладъ по предмету его ходатайства. Впрочемъ, къ сему первенственному ходатайству онъ присоединилъ и другое, земное: просилъ и о переводѣ его въ городъ Ишимъ или другой, ближайшій къ Россіи «для утѣшенія его невиннаго, но страждущаго семейства», присовокупляя, что четверо его сыновей запечатлѣютъ, можетъ быть, кровію вѣрноподданническую благодарность. Николай Павловичъ 27 декабря 1836 года положилъ на докладѣ свою знаменитую резолюцію: «Согласенъ, давно въ душѣ простилъ его и всѣхъ». Эта резолюція не выражаетъ дѣйствительнаго отношенія Николая I къ своимъ amis de 14. Нельзя не сопоставить ее съ другой, положенной 15 іюля 1853 года, т.-е. почти черезъ четверть вѣка послѣ декабрьскихъ событій, на докладѣ ходатайства о возвращеніи декабриста П. А. Мухановa на родину въ Московскую губернію: «Согласенъ; но ежели Закревскій согласится, все-таки надо будетъ за нимъ строжайше смотрѣть; ибо я зналъ лично его скрытный характеръ, не заслуживавшій никакого довѣрія, что и доказалъ» [1]. Приводимъ еще нѣсколько неопубликованныхъ

[1] „Былое", 1906, XII, 51—55.

резолюціи имп. Николая I на докладахъ о декабристахъ. Резолюціи, дающихъ еще нѣсколько штриховъ къ характеристикѣ его отношеній къ нимъ.

Алексѣй Дмитріевичъ Якушкинъ въ своихъ запискахъ разсказалъ о волненіяхъ, которыя пережилъ онъ, получивъ въ Ржевскомъ заводѣ извѣстіе, что его женѣ, Анастасіи Васильевнѣ, урожденной Шереметевой, разрѣшено пріѣхать къ мужу съ дѣтьми. По нездоровью младшаго ребенка, А. В. Якушкина не могла тотчасъ же воспользоваться разрѣшеніемъ и выѣхать въ Сибирь. Прошло время, и обстоятельства перемѣнились. Въ 1832 году она пожелала поѣхать къ мужу уже безъ дѣтей. III отдѣленіе изготовило докладъ слѣдующаго содержанія.

«Жена государственнаго преступника Якушкина въ 1829 году просила о дозволеніи ѣхать съ дѣтьми въ Сибирь къ мужу, и ей объявленъ былъ высочайшій отзывъ, что желаніе ея можетъ быть исполнено, но что, въ мѣстѣ пребыванія ея мужа, она не найдетъ никакихъ способовъ къ воспитанію дѣтей и, взявъ ихъ съ собой, она положитъ немаловажную преграду къ устройству будущаго ихъ состоянія, а потому она должна предварительно обдумать всѣ послѣдствія своего предпріятія, дабы избѣгнуть поздняго и безполезнаго раскаянія. Въ 1832 году Якушкина, намѣреваясь одна, безъ дѣтей, отправиться къ мужу, просила доставить ей нужныя для проѣзда бумаги. Но собраннымъ частнымъ свѣдѣніямъ оказалось, что Якушкина не искренно желаетъ ѣхать въ Сибирь, а принуждаетъ ее къ тому ея мать, женщина строгая [1]). Она выдала ее замужъ за Якушкина; и на ту поѣздку заставила занять 20 т. руб. сына своего Шереметева, который и безъ того много долженъ. Если можно, воспрепятствовать этой поѣздкѣ, то оказана будетъ милость всему семейству».

Резолюція 1832 года на этомъ докладѣ была положена слѣдующая резолюція: *«Отклонить подъ благовиднымъ предлогомъ»*.

1) Рѣчь идетъ о Н. Н. Шереметевой, женщинѣ глубокаго и дѣйствительно благочестія, имѣвшей, между прочимъ, большое вліяніе на Н. В. Гоголя.

И. Д. Якушкинъ въ «Запискахъ» М. [illegible] г., 18[illegible] разсказываетъ, что въ отвѣтной на просьбу [illegible] бумагѣ шефа жандармовъ было сказано, что [illegible] какъ Якушкина не воспользовался съ[illegible] дозволеніемъ [illegible] ханнымъ женамъ преступниковъ слѣдовать [illegible] мужей, и такъ какъ пребываніе ея при [illegible] необходимо, чѣмъ пребываніе ея съ мужемъ, [illegible] императоръ не соизволилъ разрѣшить ей ѣхать [illegible] Сибирь.

Членъ Сѣвернаго Общества штабсъ-капит[illegible] 1-го пионернаго эскадрона Михаилъ Александ[illegible] Назимовъ по приговору Верховнаго Суда, смягчен[illegible] 22 августа 1826 года, былъ осужденъ съ лишеніе[illegible] чиновъ и дворянства къ ссылкѣ на поселеніе на 20 лѣтъ. [illegible] онъ былъ въ Витимѣ, Иркутской губ., а въ [illegible] переведенъ въ Курганъ, Тобольской губерніи. В[illegible] штабсъ-капитанъ л.-гв. сапернаго батальона Илья [illegible] просилъ отъ лица своего и семидесятилѣтней [illegible] ходатайствовании брату его Мих. Алдр. Назимо[illegible] ства заслужить вину свою въ полкахъ Отдѣльн[illegible] казскаго корпуса. На докладѣ объ этомъ ходатайст[illegible] Николай Павловичъ положилъ 14 сентября 1832 года [illegible] резолюцію: *«Онъ болѣе виноватъ, чѣмъ другіе, ибо [illegible] знать, во всемъ запирся, такъ что, бывъ освобожденъ, [illegible] караулъ во внутреннiй и былъ на ономъ даже [illegible] 1826 года»*.

Только въ 1837 году М. А. Назимовъ былъ назначенъ рядовымъ въ Кавказскій корпусъ, въ Кабардинскій Егерскій полкъ. 20 марта 1845 года уволенъ, за болѣзнію, отъ службы поручикомъ съ дозволеніемъ проживать въ г. Псковѣ подъ секретнымъ надзоромъ и съ воспрещеніемъ въѣзда въ столицы. М. А. Назимовъ плодотворно работалъ по осуществленію великой реформы 1861 года. Умеръ 2 мая 1888 года [1]).

«Находящійся на поселеніи въ г. Киренскѣ государственный преступникъ Веденяпинъ, по крайней бѣдности

[1]) См. замѣтку Б. Л. Модзалевскаго „Декабристъ М. А. Назимовъ“ „Минувшіе Годы“. 1908, сент., 280—282.

стей и чрезвычайной дороговизны въ Киренскѣ, просить дозволенія отлучиться [illegible] въ города для заготовленія дровъ, хлѣба и проч., для [illegible] промысловъ, какъ-то: звѣроловнаго, рыбнаго и проч., и вступить для сего въ услуженіе къ частнымъ лицамъ.

На этотъ докладъ послѣдовала 1 іюня 1833 года Высочайшая резолюція: *Согласенъ, но въ услуженіе [illegible]*.

По дѣлу Общества Соединенныхъ Славянъ были осуждены два брата Веденяпина: прапорщикъ 9 артиллерійской бригады Алексѣй Васильевичъ Веденяпинъ 2 и подпоручикъ той же бригады Аполлонъ Васильевичъ Веденяпинъ 1. Веденяпинъ 2, за силою указа 22 августа 1826 года, былъ отправленъ въ полевые войска Кавказскаго округа, чтобы могъ выслужить вину свою, а Веденяпинъ 1, послѣ смягченія приговора по тому же указу, былъ лишенъ чиновъ и дворянства и отправленъ на поселеніе въ Сибирь на 20 лѣтъ. Къ этому Веденяпину и относится резолюція Николая Павловича. Въ Киренскѣ онъ прожилъ до 1841 г.; въ февралѣ же этого года былъ опредѣленъ младшимъ писаремъ въ Иркутскій военный госпиталь, а въ декабрѣ 1843 года помѣщенъ за болѣзнію въ вѣдѣніе Иркутскаго Приказа Общественнаго Призрѣнія. Годъ смерти его неизвѣстенъ [1].

Въ декабрѣ 1832 года былъ представленъ Николаю Павловичу списокъ государственныхъ преступниковъ, которые, въ силу указа 8 ноября 1832 года, подлежали освобожденію отъ каторжныхъ работъ и водворенію на поселеніе. Государь собственноручно размѣтилъ на спискѣ, куда и кого отправить на поселеніе. Но вышло такъ, что генералъ-губернаторъ Восточной Сибири, до полученія

[1] Баронъ Розенъ. Записки декабриста. СПБ [illegible], 27[illegible] и [illegible] И. Муравьевъ-Апостолъ (Декабристы. Матеріалы для характеристики. [illegible] ред. П. М. Головачева. Изд. М. М. Зензинова. М. 1907. 172 с.) [illegible] некрологическія даты декабристовъ, къ 1831 году относятъ смерть Веденяпина. Эта дата невѣрна, ибо не можетъ относиться ни къ Веденяпину 1-му, ни къ Веденяпину 2-му, о которомъ по офиціальнымъ даннымъ можно сообщить, что въ январѣ 1839 года ему разрѣшено было [illegible] въ гражданскую службу, подъ особымъ наблюденіемъ [illegible] [illegible]наго продовольствія въ Тамбовѣ.

Высочайшихъ указаній, собственной властью размѣстить преступниковъ по разнымъ мѣстамъ Иркутской и Енисейской губерній. Возникъ вопросъ: можетъ ли онъ оставить ихъ на мѣстахъ поселенія или долженъ перемѣстить согласно съ новыми указаніями. О недоумѣнномъ положеніи генералъ-губернатора III отдѣленіе сдѣлало всеподданѣйшій докладъ, который и былъ на разсмотрѣніи 27 марта 1833 г.

На докладѣ противъ фамилій Муханова, Аврамова, Иванова, Бобрищева-Пушкина 2-го и Шимкова государь написалъ: «*Отправить куда мной назначено*».

Противъ фамилій Бѣляева, Одоевскаго, Фаленберга и Мозгана, поселенныхъ на заводскихъ селеніяхъ Иркутской и Енисейской губерній, положена резолюція: «*На заводскихъ селеніяхъ, какъ нынѣ, такъ и впредь не жить; отправить въ другія мѣста*».

Противъ фамиліи М. А. Фонвизина, назначеннаго на поселеніе въ Нерчинскъ, государь написалъ: «*Въ другое мѣсто далѣе на Сѣверъ*».

Изъ декабристовъ, которыхъ коснулась высочайшая резолюція, довольно свѣдѣній имѣемъ о братьяхъ Бѣляевыхъ, князѣ А. И. Одоевскомъ, П. А. Мухановѣ, П. И. Фаленбергѣ и М. А. Фонвизинѣ. Объ остальныхъ не лишнее сообщить провѣренныя данныя.

Аврамовъ, Павелъ Васильевичъ, полковникъ Казанскаго пѣхотнаго полка, «съ 1821 года удалился отъ тайнаго общества, въ собраніяхъ онаго не участвовалъ и сношенія съ членами прекратилъ». Хотя всѣ эти обстоятельства были констатированы слѣдствіемъ, тѣмъ не менѣе, послѣ смягченія приговора указомъ 22 августа 1826 года, былъ присужденъ къ 8-лѣтней каторгѣ. Въ 1832 г. онъ былъ переведенъ въ Акшинскую крѣпость, Енисейской губерніи и умеръ 5 ноября 1836 года.

Павелъ Сергѣевичъ Бобрищевъ-Пушкинъ 2-й послѣ отбытія каторги былъ поселенъ въ Верхоленскѣ, Иркутской губ. и затѣмъ получилъ разрѣшеніе переѣхать въ Красноярскъ, а отсюда въ 1839 году переведенъ въ Тобольскъ. Въ 1856 году ему вмѣстѣ съ помѣщавшимся въ ссылкѣ братомъ разрѣшено было выѣхать въ имѣніе сестры, Тульской губерніи. Умеръ онъ 13 февраля 1865 года.

Илья Ивановичъ Ивановъ, 10 класса провіантскій чиновникъ и членъ Общества Соединенныхъ Славянъ, былъ осужденъ, послѣ смягченія приговора указомъ 22 августа 1826 года, на 8-лѣтнюю каторжную работу и въ 1832 году поселенъ въ с. Верхнеострожскомъ, Енисейской губерніи. Умеръ 26 декабря 1838 года. (О немъ см. замѣтку Б. Л. Модзалевскаго «Минувшіе Годы», 1908, январь.)

Иванъ Дмитріевичъ Мозганъ, подпоручикъ Пензенскаго пѣхотнаго полка и членъ Общества Соединенныхъ Славянъ, по отбытіи каторжныхъ работъ, въ 1832 году поселенъ въ с. Калыктинскомъ, Ачинскаго округа, Енисейской губерніи. 12 октября 1838 г. по Высочайшему повелѣнію опредѣленъ рядовымъ въ Тифлисскій Егерскій полкъ. 8 ноября 1843 года убитъ при взятіи горцами форта Гергебильскаго.

Иванъ Федоровичъ Шимковъ, прапорщикъ Саратовскаго пѣхотнаго полка, членъ Общества Соединенныхъ Славянъ, послѣ отбытія каторжныхъ работъ, въ 1832 году былъ поселенъ въ Батуринской слободѣ, Верхнеудинскаго округа, Иркутской губерніи, а отсюда былъ перемѣщенъ на Китайскую границу въ крѣпость Цурухай-Чуевскую. Умеръ 23 августа 1836 года.

Князь А. И. Одоевскій въ 1833 году обратился съ ходатайствомъ о разрѣшеніи получить ему отъ своихъ родственниковъ 300 рублей для раздачи содержавшимся вмѣстѣ съ нимъ въ Петровскомъ заводѣ и водвореннымъ на поселеніе государственнымъ преступникамъ, нуждавшимся въ помощи: Игельстрому, Шимкову, Фаленбергу и Мозгану. На докладѣ объ этой просьбѣ Николай Павловичъ 29 октября 1833 года написалъ: «*Отказать*».

Въ 1835 году III отдѣленіе представило всеподданнѣйшій докладъ слѣдующаго содержанія.

«Капитанъ графъ Мусинъ-Пушкинъ, по дѣлу о злоумышленныхъ обществахъ, переведенъ былъ въ 1826 году изъ лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка въ Петровскій пѣхотный полкъ тѣмъ же чиномъ. Въ 1829 году былъ помѣщенъ въ Тифлисскій пѣхотный полкъ и, за отличіе въ сраженіяхъ противъ турокъ, награжденъ орденами св.

Анны 3-й и св. Владиміра 4-й степени [1]). Въ 18[illegible] году вновь переведенъ въ Петровскій полкъ, а въ 1[illegible] году уволенъ отъ службы съ тѣмъ, чтобы не выѣзжалъ за границу и чтобы за нимъ продолжаемъ былъ секретный надзоръ, который и снятъ въ 18[illegible] году. Московскій военный генералъ-губернаторъ кн. Голицынъ ходатайствовалъ объ опредѣленіи его при немъ чиновникомъ для особыхъ порученій съ переименованіемъ, соотвѣтственно его чину капитана гвардіи, въ коллежскіе совѣтники.

Государь 17 апрѣля 18[illegible] года положилъ слѣдующую резолюцію: *«Это невозможно, а можно [illegible] службу, а не по особымъ порученіямъ [illegible] право [illegible]»*.

Въ 1835 году графъ Бенкендорфъ представилъ на Высочайшее разрѣшеніе предположеніе выдавать изъ казны государственнымъ преступникамъ по 200 руб. въ годъ тѣмъ, кои отъ родственниковъ ничего не получаютъ, а тѣмъ, кои получаютъ менѣе, добавлять изъ казны [illegible] въ счетъ вспоможеніе, получаемое отъ лицъ, [illegible] рожденныхъ, освободить отъ платежа повинностей до новой ревизіи.

На всеподданнѣйшемъ докладѣ по сему предмету Николай Павловичъ 15 декабря 1835 года написалъ: *«Согласенъ, но дѣтей изъ податного состоянія не вы[illegible]»*.

Александръ Александровичъ Бестужевъ, хорошо извѣстный и нынѣ подъ псевдонимомъ А. Марлинскаго, былъ осужденъ на 20 л. каторжныхъ работъ. Указъ 22 августа 1826 года уменьшилъ срокъ каторги до 15 лѣтъ. Въ 1827 году Бестужевъ былъ обращенъ прямо на поселеніе въ Якутскъ. Въ 1829 году переведенъ на Кавказъ рядовымъ и только въ маѣ 1836 года дослужился до прапорщичьяго чина.

Генералъ-адъютантъ графъ М. С. Воронцовъ сообщилъ въ III-ье отдѣленіе просьбу А. Бестужева, находившагося

[1]) Въ 1829 году Пушкинъ по пути на Кавказъ встрѣтилъ этого самаго графа Владиміра Алексѣевича Пушкина въ Новочеркасскѣ. «Я сердечно ему обрадовался,—пишетъ Пушкинъ въ «Путешествіи въ Арзрумъ»,—и мы согласились путешествовать вмѣстѣ». Гр. Мусинъ-Пушкинъ былъ женатъ на извѣстной красавицѣ Эмиліи Карловнѣ Шернвалъ

въ крѣпости Гагры въ прапорщика 5-го Черноморскаго баталіона. Страдая отъ пагубнаго вліянія сырого климата въ Гаграхъ на его здоровье, разстроенное уже отъ [illegible] и тяжкихъ трудовъ, онъ просилъ о переводѣ его въ другое мѣсто, или о службѣ по гражданской части, чтобы быть полезнымъ отечеству и употребить досугъ на занятія словесностію. Графъ Воронцовъ, передавая его просьбу, съ своей стороны полагалъ назначить Бестужеву мѣсто пребыванія въ Керчи-Еникале съ употребленіемъ на службу при керченскомъ градоначальникѣ; сношенія сего города съ Черноморіемъ и Закавказскимъ краемъ, думалъ гр. Воронцовъ, представляютъ Бестужеву возможность употребить въ пользу для службы пріобрѣтенныя имъ о томъ краѣ свѣдѣнія. III-е отдѣленіе доложило сообщеніе и мнѣніе графа Воронцова. Императоръ Николай I положилъ 28 сентября 1836 года жестокую резолюцію: *«Мнѣніе гр. Воронцова [illegible] несообразно; не Бестужеву съ пользой заниматься словесностію; онъ долженъ служить тамъ, гдѣ сіе можно безъ вреда для службы. Перевесть его можно, но въ другой баталіонъ».*

18 октября А. Бестужевъ былъ переведенъ изъ 5-го черноморскаго баталіона въ 10-ый. 7 іюня 1837 года онъ былъ убитъ при занятіи мыса Адлеръ.

Въ 1849 году оренбургскій военный губернаторъ представлялъ въ III-е отдѣленіе, что какъ по закону лишь изъ государственныхъ и политическихъ преступниковъ, состоящія въ гражданской службѣ въ Сибири, увольняются въ отставку съ обязательствомъ безвыѣздно жить въ томъ мѣстѣ, гдѣ служили, и съ учрежденіемъ за ними надзора, а потому онъ, губернаторъ, полагалъ бы необходимымъ распространить дѣйствіе этого закона и на политическихъ преступниковъ, ссылаемыхъ на службу въ Оренбургскій край. На докладѣ мнѣнія оренбургскаго губернатора 3 сентября 1849 года Николай Павловичъ положилъ резолюцію: *«Да»*.

Приложеніе.

Изъ записокъ императора Николая I [1]).

Надо было рѣшиться или остаться мнѣ въ совершенномъ бездѣйствіи, отстраняясь отъ всякаго участія въ дѣлахъ, до коихъ въ строгомъ смыслѣ службы, какъ говорится, мнѣ дѣла не было, или участвовать въ нихъ и почти направлять тѣхъ людей, въ рукахъ коихъ по званію ихъ власть находилась: въ первомъ случаѣ, соблюдая форму, по совѣсти я бы грѣшилъ, попуская дѣламъ изгажаться, можетъ быть, безвозвратно, и тогда бы я заслужилъ въ полной мѣрѣ названіе эгоиста; во второмъ случаѣ я жертвовалъ собой съ убѣжденіемъ быть полезнымъ отечеству и тому, которому я присягнулъ. Я не усомнился, и влеченіе внутреннее рѣшило мое поведеніе. Одно было трудно: я долженъ былъ скрывать настоящее положеніе дѣлъ отъ мнительности Матушки, отъ глазъ окружающихъ, которыхъ любопытство предугадывало истину. Но съ твердымъ упованіемъ на милость Божію я рѣшился дѣйствовать, какъ сумѣю. Городъ казался тихъ: такъ, по крайней мѣрѣ,

[1]) Къ статьѣ, характеризующимъ отношеніе Николая I къ декабристамъ, мы находимъ умѣстнымъ приложить и отрывокъ изъ записокъ Николая I, впервые напечатанный нами въ „Быломъ" 1907, октябрь, по списку, сдѣланному великимъ княземъ Николаемъ Михаиловичемъ и переданному мнѣ С. А. Панчулидзевымъ. Этотъ отрывокъ и писанъ въ 1837 или 1838 году. Имъ пользовался бар. М. А. Корфъ для своей книги о событіяхъ 14 декабря и Н. К. Шильдеръ, положившій его въ основу изложенія въ книгѣ: „Имп. Николай I, жизнь и царствованіе". *П. Щ.*

увѣрялъ Г. Милорадовичъ, увѣряли и тѣ немногіе, которые ко мнѣ хаживали, ибо я не считалъ приличнымъ показываться и почти не выходилъ изъ комнатъ.

Но въ то же время бунтовщики были уже въ сильномъ движеніи, и непонятно, что никто сего не видалъ. Оболенскій, бывшій тогда адъютантомъ у Бистрома, командывавшаго всей пѣхотой гвардіи, одинъ изъ злѣйшихъ заговорщиковъ, ежедневно бывалъ во дворцѣ, гдѣ тогда обычай былъ собраться послѣ развода въ такъ называемой конногвардейской комнатѣ. Тамъ въ шумѣ зборища разныхъ чиновъ офицеровъ и другихъ, ежедневно пріѣзжавшихъ во дворецъ узнавать о здоровіи Матушки, но еще болѣе пріѣзжавшихъ за новостями,—съ жадностью Оболенскій подхватывалъ все, что могло быть полезнымъ къ успѣху заговора, и сообщалъ соумышленникамъ узнанное. Зборища ихъ бывали у Рылѣева. Дрянное лицо, извергъ въ семъ смыслѣ слова, Якубовскій [1], въ то же время успѣлъ хитростью своей и нѣкоторой наружностью смѣльчака втереться въ домъ Милорадовича, и уловивъ доброе сердце графа, снискалъ даже нѣкоторую его къ себѣ довѣренность. Что Оболенскій не успѣвалъ во дворцѣ, то Якубовскій извѣдывалъ отъ графа, у котораго, какъ говорили часто, *гвардія была на языкѣ*. Мы были въ ожиданіи отвѣта Константина Павловича на присягу, и оный ожидали со страхомъ, другіе—и я смѣло себя ставлю въ число послѣднихъ—что онъ велитъ.

Въ сіе время прибылъ Михаилъ Павловичъ. Ему вручилъ К. П. свой отвѣтъ въ письмѣ къ Матушкѣ и нѣсколько словъ ко мнѣ. Первое движеніе всѣхъ—и справедливое нетерпѣніе сіе извиняло,—было броситься во дворецъ, всякій спрашивалъ, присягнулъ ли Михаилъ Павловичъ.—Нѣтъ,—отвѣчали пріѣхавшіе съ нимъ. Матушка заперлась съ Михаиломъ Павловичемъ, я ожидалъ въ другомъ покоѣ—и ожидалъ рѣшенія своей участи—минута неизгладимая! Наконецъ дверь отперлась и Матушка мнѣ сказала: «Bien, Nicolas, prosternez vous devant votre frère, mais il est respectable et sublime dans son inaltérable détermination de vous abandoner le trône».

[1] А. И. Якубовичъ, а не Якубовскій. *П. Щ.*

Признаюсь, мнѣ слова сіи тяжело было слушать, и я въ томъ винюсь; но я себя спрашивалъ, кто большую приноситъ изъ насъ двухъ жертву?—Тотъ ли, который отвергалъ наслѣдіе отцовское подъ предлогомъ своей неспособности и который, разъ на сіе рѣшившись, повторяетъ только свою непремѣнную волю и остается въ томъ положеніи, которое самъ себѣ создалъ сходно всѣмъ своимъ желаніямъ,—или тотъ, который, вовсе не готовившійся на званіе, на которое по порядку природы вовсе не имѣлъ никакого права; которому воля братняя была всегда тайною и который неожиданно въ самое тяжелое время и въ ужаснѣйшихъ обстоятельствахъ долженъ былъ жертвовать всѣмъ, что ему было дорого, дабы покориться волѣ другого?—Участь страшная! и смѣю думать и нынѣ, послѣ 10 лѣтъ, что жертва моя была въ моральномъ, въ справедливомъ смыслѣ, гораздо тягче.—Я отвѣчалъ Матушкѣ: «Avant de me prosterner, Maman, veuiller me permettre savoir pourquoi je devrais le faire, car je ne sais lequel des sacrifices est le plus grand de celui qui refuse, ou de celui qui accept dans de pareilles circonstances.

Нетерпѣніе всѣхъ возрастало и дошло до крайности, когда догадывались по продолжительности нашего присутствія у Матушки, что дѣло еще не рѣшилось. Дѣйствительно братъ Константинъ Павловичъ прислалъ отвѣтъ на письмо Матушки хотя и официально, но на присягу, ему данную, не было отвѣта, ни Манифеста, словомъ ничего, чтобы въ лицѣ народа могло служить актомъ удостовѣренія, что воля его непремѣнна и отреченіе, оставшееся при жизни императора Александра тайной для всѣхъ, есть и нынѣ непремѣнной его волей. Надо было рѣшить что дѣлать, какъ выйти изъ затрудненія опаснѣйшаго въ своихъ послѣдствіяхъ; и которымъ, какъ видимъ ниже, заговорщики весьма хитро воспользовались.—Послѣ долгихъ преній я остался при томъ мнѣніи, что брату должно быть объявить Манифестомъ, что, оставаясь непреклоннымъ въ рѣшимости, имъ уже освященной отреченіемъ, утвержденнымъ духовной императора Александра, онъ повторилъ оное и нынѣ не принималъ данной ему присяги. Симъ, казалось мнѣ, торжественно утверждалась воля его, и отымалась всякая возможность къ сумлѣнію.—Но братъ

избежать другой способъ: онъ прислалъ письмо офиціальное къ Матушкѣ, другое ко мнѣ, и наконецъ родъ выговора къ Лопухину, какъ предсѣдателю Государственнаго Совѣта.

Содержаніе двухъ первыхъ актовъ извѣстно: вкратцѣ содержали они удостовѣреніе въ непремѣнной его рѣшимости и въ письмѣ къ Матушкѣ упоминалось, что рѣшеніе его [illegible] время получило ее согласіе.

Въ письмѣ ко мнѣ, писанномъ какъ къ Императору, упоминалось только въ особенности о томъ, что Е. В. просилъ оставить его *при прежде занимаемомъ имъ мѣстѣ и званіи*. Однако удалось мнѣ убѣдить Матушку, что однихъ сихъ актовъ безъ явной опасности опубликовать нельзя, и что должно непремѣнно вторично убѣдить брата прибавить къ этому другой въ видѣ Манифеста съ изъятіемъ такимъ, которое было развязываемо отъ присяги ему данной.

Матушка и я мы убѣдительно о томъ писали брату; и фельдъегеръ офицеръ Бѣлоусовъ отправленъ съ симъ.

Между тѣмъ, рѣшено было нами акты сіи хранить у насъ въ тайнѣ,—но какъ было уяснить намъ молчаніе передъ публикой! Нетерпѣніе и неудовольствіе были велики и весьма извинительны. Пошли догадки, а въ особенности обстоятельство *не присяги* М. П. навело на всѣхъ сомнѣніе, что скрывалось отреченіе Константина Павловича. Заговорщики и рѣшили сіе же самое употребить орудіемъ для своихъ замысловъ, время сего ожиданія можно считать подходящимъ междуцарствію, ибо повелѣній отъ Императора, которому присяга принята была, по расчету времени должно было получить, но уже не приходило; дѣло останавливалось совершенно; все было недоумѣніемъ и къ довершенію всего извѣстно было, что М. П. отъѣхалъ уже тогда изъ Варшавы, когда и кончина импер. Александра и присяга К. П. тамъ уже извѣстны были. Каждый извлекалъ изъ сего, что какое то особенно важное обстоятельство, пріостанавливало къ вопросу законнаго теченія дѣлъ—но никто не догадывался настоящей причины.

Однако дальнѣйшее присутствіе М. П. становилось тягостнымъ и для него и для насъ всѣхъ, и потому рѣшено было ему выѣхать будто въ Варшаву, подъ предлогомъ успокоенія брата К. П. насчетъ здоровія Матушки; и остановиться на станціи въ Пенналѣ для удаленія отъ без-

престаннаго принужденія и вмѣстѣ съ тѣмъ для отвлеченія на дорогѣ всѣхъ тѣхъ, кои, возвращаясь изъ Варшавы, могли извѣстить въ Петербургѣ настоящее положеніе дѣлъ. Сія же предосторожность приказывала останавливать встрѣчныя письма, приходившія изъ Варшавы; и эстафетъ, ожидаемаго, приходившій съ бумагами изъ канцеляріи К. П., приказано былъ ко мнѣ. Бумаги, не терпящія отлагательства, должны былъ я лично взять къ себѣ: тѣхъ, къ коимъ адресованы, просилъ ихъ вскрывать въ моемъ присутствіи.

Такъ прошло 8 или 9 дней. Въ одно утро, часовъ въ 7, былъ я разбуженъ внезапнымъ пріѣздомъ изъ Таганрога Л. Г. Измайловскаго полка полк. Б. Фредерикса, съ донесеніемъ о самонужнѣйшемъ отъ Г. Дибича нач. Г. Ш. Табель и адресованнымъ въ собственныя руки императору! Спросивъ Б. Фредерикса, знаетъ ли онъ содержаніе пакета, получилъ въ отвѣтъ, что ничего ему неизвѣстно, но что такой же пакетъ посланъ въ Варшаву по неизвѣстности въ Таганрогѣ, гдѣ находится Государь. Заключилъ изъ сего, что пакетъ содержалъ обстоятельство особой важности, и былъ въ крайнемъ недоумѣніи, на что мнѣ рѣшиться? Вскрыть пакетъ на имя Императора, былъ поступокъ столь отважный, что рѣшиться на сіе казалось мнѣ послѣдней крайностью, къ которой одна необходимость могла принудить человѣка, поставленнаго въ самое затруднительное положеніе и—пакетъ вскрыть!—Пусть изобразятъ себѣ, что должно было произойти тогда во мнѣ, когда, бросивъ глаза на включенное письмо отъ Г. Дибича, увидѣлъ, что дѣло шло о существующемъ и только что открытомъ преступномъ заговорѣ, котораго отрасли распространились черезъ всю Имперію отъ Петербурга на Москву и до второй арміи въ Бессарабіи! Тогда только почувствовалъ въ полной мѣрѣ всю тяжесть своей участи и съ ужасомъ вспомнилъ, въ какомъ находился положеніи. Должно было дѣйствовать, не теряя ни минуты, съ полной властію, съ опытностью, съ рѣшимостью—я не имѣлъ ни власти, ни права; на случай могъ только дѣйствовать черезъ другого, изъ одного довѣрія ко мнѣ обращающагося, безъ увѣренности, что совѣту моему послѣдуютъ: и притомъ чувствовать, что тайну подобной вѣрности должно было напитательнѣйше скрывать отъ всѣхъ, даже отъ Матушки, дабы ее не испугать, или преждевременно заго-

ворщикамъ не открыть, что замыслы ихъ уже не скрыты отъ правительства. Къ кому мнѣ было обратиться *одному, совершенно одному безъ совѣта.*

Г. Милорадовичъ казался мнѣ по долгу его званія первымъ, до свѣдѣній котораго содержаніе сихъ извѣстій довести должно было; К. Голицынъ, какъ начальникъ почтовой части и довѣренное лицо Импер. Александра, казался мнѣ вторымъ. Я ихъ обоихъ пригласилъ къ себѣ и втроемъ принялись мы за чтеніе приложеній къ письму. Писанные рукою Г. А. Чернышева, для большей тайны, въ нихъ заключалось изложеніе открытаго обширнаго заговора, черезъ два разные источника: показаніями юнкера Шервуда, служившаго въ Чугуевскомъ военномъ поселеніи, и открытіемъ капитана Майбороды, служившаго въ тогдашнемъ 3 пѣх. корпусѣ. Извѣстно было, что заговоръ касается многихъ лицъ въ Петербургѣ и наиболѣе въ Кавалергардскомъ полку, но въ особенности въ Москвѣ и въ Главн. Квартирѣ 2 арміи и въ части войскъ, ей принадлежащихъ, а также и въ войскахъ 3 корпуса. Показанія были весьма неясны, неопредѣлительны; но однако еще за нѣсколько дней до кончины своей покойный Импер. велѣлъ Г. Дибичу по показаніямъ Шервуда послать полк. Л. Г. Каз. полка Николаева взять извѣстнаго Вадковскаго, за годъ выписаннаго изъ Кавалергардскаго полка. Еще болѣе неясны были подозрѣнія на Глав. квартиру 2 Арміи и Г. Дибичъ увѣдомлялъ, что вслѣдъ за симъ рѣшился послать Г. Чернышева въ Тульчинъ, дабы увѣдомить Витгенштейна о происходившемъ и арестовать Князя С. Волконскаго, командовавшаго бригадой, и П. Пестеля, въ этой бригадѣ командовавшаго Вятскимъ полкомъ. Подобное извѣстіе въ столь затруднительное и важное время требовало величайшаго вниманія, и должно было узнать, кто изъ поименованныхъ лицъ въ Петербургѣ, и немедля ихъ арестовать; а какъ о К. Майбородѣ ничего не упоминалось, а должно было полагать, что черезъ него получатся еще важнѣйшія свѣдѣнія, то рѣшился Г. Милорадовичъ послать адъют. своего Г. Мантейфеля къ Г. Роту, дабы принявъ Майбороду, доставить въ Петербургъ. Изъ Петербург. заговорщиковъ по справкѣ никого не оказалось на лицо; всѣ были въ отпуску, а именно: Свистуновъ, гр. Захаръ Чернышевъ и

Никита Муравьевъ, что болѣе еще утверждало справедливость подозрѣній, что они были въ отсутствіи для съѣзда, какъ въ этой запискѣ упоминалось. Г. Милорадовичъ долженъ былъ вѣрить столь яснымъ уликамъ въ существованіи заговора и вѣроятномъ участіи и другихъ лицъ, хотя объ нихъ не упоминалось; онъ обѣщалъ обратить вниманіе полиціи, но все осталось въ прежней безъясности.

Наконецъ наступилъ роковой для меня день. По обыкновенію обѣдали мы вдвоемъ съ женой, какъ пріѣхалъ Бѣлоусовъ. Вскрывъ письмо брата, удостовѣрился я съ первыхъ строкъ, что участь моя рѣшена, но что единому Богу извѣстно, какъ воля Конст. Павл. исполнится, ибо вопреки всѣмъ нашимъ убѣжденіямъ рѣшительно отказывалъ въ новомъ актѣ, опираясь на то, что не признавалъ себя императоромъ, отвергая присягу, ему данную, какъ такую, которая неправильно ему принесена была, не считаетъ себя въ правѣ и не хочетъ другого изреченія непреклонной своей воли, какъ обнародованія такового императора Александра и акта отреченія своего отъ Престола. Я предчувствовалъ, что, повинуясь волѣ братней, иду на гибель, но нельзя было иного и долгъ повелѣвалъ сообразить единственно, какъ исполнить не съ явной опасностью недоразумѣній и ложныхъ навѣтовъ.

Я пошелъ къ Матушкѣ и нашелъ ее въ томъ же убѣжденіи, но довольною, что наступилъ конецъ нерѣшимости. Изготовивъ въ скорости проэктъ Манифеста, призвалъ къ себѣ М. М. Сперанскаго и ему поручилъ написать таковой, придерживаясь моихъ мыслей; положено было притомъ опубликовать духовную Имп. Александра, письмо къ нему Конст. Павл. съ отреченіемъ и два его же письма къ Матушкѣ и ко мнѣ, какъ къ Императору.

[Между строкъ рукописи въ этомъ мѣстѣ вписано: «прибавить о Ростовцевѣ»].

Въ сихъ занятіяхъ прошелъ вечеръ 12 декабря. Послано было къ М. П., дабы его воротить, и надежда оставалась, что онъ поспѣетъ вѣроятно на другой день, т. е. въ воскресенье 13 числа. Между тѣмъ вѣсть о пріѣхавшемъ фельдъегерѣ распространилась по городу, и всякій убѣдился въ томъ, что подозрѣнія обратились въ истину. Гвардіей командывалъ Г. Войновъ, человѣкъ почтенный и храбрый,

но ограниченныхъ способностей и не успѣвшій пріобрѣсти никакого вѣсу въ своемъ корпусѣ. Призвавъ его къ себѣ, поставилъ его въ извѣстность воли Конст. Пав. и условился, что на другой же день, т. е. въ понедѣльникъ соберетъ ко мнѣ всѣхъ Генераловъ и полковниковъ команд. Гвардіи, дабы лично мнѣ имъ объяснить весь ходъ происходившаго въ нашей семьѣ и поручить имъ растолковать сіе яснымъ образомъ своимъ подчиненнымъ, дабы не было предлога къ безпорядку. Требованъ былъ также ко мнѣ митрополитъ Серафимъ для нужнаго предваренія и наконецъ К. Лопухинъ, съ которымъ условлено было собрать совѣтъ къ 8 часамъ вечера, куда я намѣренъ былъ явиться вмѣстѣ съ братомъ М. П., какъ личнымъ свидѣтелемъ и вѣстникомъ братней воли. Но Богу угодно было повелѣть иначе.

Мы ждали М. П. до ½ 11 ночи, и его не было. Между тѣмъ весь городъ зналъ, что Государственный Совѣтъ собранъ, и всякій подозрѣвалъ, что настала рѣшительная минута, гдѣ томительная неизвѣстность должна кончиться. Нечего было дѣлать и я долженъ былъ слѣдовать одинъ. Тогда Государственный Совѣтъ собрался въ большомъ покоѣ, который нынѣ служитъ гостинной младшимъ моимъ дочерямъ.—Пройдя къ столу я сѣлъ на первое мѣсто, сказавъ, *я выполняю волю брата Константина Павловича* и вслѣдъ за тѣмъ началъ читать манифестъ о моемъ восшествіи на престолъ, всѣ встали и я такъ же; всѣ слушали въ глубокомъ молчаніи и по окончаніи чтенія глубоко мнѣ поклонились, при чемъ отличился Н. С. Мордвиновъ противъ меня бывшій, всѣхъ первый вскочившій и ниже прочихъ отвѣсившій поклонъ, такъ что оно мнѣ страннымъ показалось. За симъ долженъ былъ я прочесть отношеніе К. П. къ К. Лопухину, въ которомъ онъ самымъ сильнымъ образомъ выговаривалъ ему, что ослушался будто воли покойнаго Императора Александра, отославъ къ нему духовную и актъ отреченія, и принесъ ему присягу, тогда какъ на сіе права никто не имѣлъ.

Кончивъ чтеніе, возвратился я въ занимаемыя мной комнаты, гдѣ ожидали меня Матушка и жена; былъ 1 часъ и понедѣльникъ, что многіе считали дурнымъ началомъ; мы проводили Матушку на ея половину и хотя не было

еще объявлено о моемъ вступленіи, но комнатные люди Матушки съ ея разрѣшенія насъ поздравляли!

Во внутреннемъ караулѣ стоялъ въ то время К. Одоевскій, самый сильный заговорщикъ, но никто сего не зналъ; послѣ только вспомнили, что онъ безпрепятственно распрашивалъ придворныхъ служителей о происходящемъ.—Мы легли спать и спали спокойно, ибо у каждаго совѣсть была чиста, и мы отъ глубины души предались Богу.

Наконецъ наступило 14 декабря, роковой день. Я всталъ рано и одѣвшись принялъ г. Воинова; потомъ вышелъ въ залу нынѣшнихъ покоевъ Александра Николаевича, гдѣ собраны были всѣ Генералы и Полковые командиры Гвардіи; объяснивъ имъ словесно, какимъ образомъ по непремѣнной волѣ Константина Павловича, которому не задолго вмѣстѣ съ ними я присягалъ, нахожусь нынѣ вынужденнымъ покориться его волѣ и принять Престолъ, къ которому за его отреченіемъ нахожусь ближайшимъ въ родѣ; за симъ прочиталъ имъ духовную покойнаго императора Александра; за симъ получилъ отъ каждаго увѣреніе въ преданности и готовности жертвовать собой, приказалъ ѣхать по своимъ командамъ и привесть къ присягѣ. Отъ двора повѣщено было всѣмъ имѣющимъ право на пріѣздъ собраться во Дворецъ къ 11 часамъ.

Въ то же время Синодъ и Сенатъ собрались въ своемъ мѣстѣ для присяги. Вскорѣ за симъ прибылъ ко мнѣ Г. Милорадовичъ съ новыми увѣреніями совершеннаго спокойства. За симъ былъ я у Матушки, гдѣ его снова видѣлъ, и воротился къ себѣ; пріѣхалъ Г. Орловъ, командовавшій Конной Гвардіей, съ извѣщеніемъ, что полкъ принялъ присягу; поговоривъ съ нимъ довольно долго, я его отпустилъ.—Вскорѣ за нимъ явился ко мнѣ Командов. Гвард. Арт. Г. М. Сухозанетъ съ извѣстіемъ, что артиллерія присягнула, но что въ гв. Кон. Арт. офицеры оказали сомнѣніе въ справедливости присяги желая сперва слышать удостовѣреніе сего отъ М. П., котораго считали удаленнымъ изъ Петербурга, какъ будто изъ несогласія его на мое вступленіе. Многіе изъ сихъ офицеровъ до того вышли изъ повиновенія, что г. Сухозанетъ долженъ былъ ихъ всѣхъ арестовать.

Но почти въ сіе же время прибылъ наконецъ М. П., котораго я просилъ сейчасъ отправиться въ артилл. для приведенія заблудшихъ въ порядокъ:—спустя нѣсколько минутъ послѣ сего явился ко мнѣ Н. М. Нейдгардъ, начальникъ штаба гвар. корпуса, и войдя ко мнѣ совершенно въ разстройствѣ сказалъ: «Sire, le régiment de Moscou est en pleine insurrection, Chenchin et Frederiks (тогдашній бригадный и полковой командиры) sont grièvement blessés et les mutins marchent vers le Sénat; j'ai à peine pu les devancer pour vous le dire, ordonnez de grâce au régiment de Préobragensky et à la garde à cheval de marcher contre».

Меня вѣсть сія поразила какъ громомъ, ибо съ первой минуты я не видѣлъ въ семъ первомъ ослушаніи дѣйствіе одного сомнѣнія, котораго всегда опасается, но зная существованіе заговора, узналъ въ семъ первое его доказательство. Разрѣшивъ I бат. Преображ. выходить, я дозволилъ Кон. Гвард. сѣдлать, но не выѣзжать; и къ нимъ отправилъ Г. Нейгарта,ославъ въ то же время Г. М. Стрекалова, дежурнаго при мнѣ въ Преображ. бат. для скорѣйшаго исполненія. Оставшись одинъ, я спросилъ себя, что мнѣ дѣлать,—и перекрестясь отдался въ руки Божіи, рѣшивъ самъ идти туда, гдѣ опасность угрожала.

Но должно было отъ всѣхъ скрыть *настоящее* положеніе наше и въ особенности отъ Матушки,—и зайдя къ женѣ, сказалъ il y a du bruit au règ. de Moscou, je veux y aller. Съ нимъ пошелъ на собственную лѣстницу; въ передней найдя командира кавалергард. полка Гр. Апраксина, велѣлъ ему ѣхать въ полкъ и сейчасъ его вести ко мнѣ. На лѣстницѣ встрѣтилъ я Вонинова въ совершенномъ разстройствѣ и строго напомнилъ ему, что мѣсто его не здѣсь, а тамъ, гдѣ войска, ему ввѣренные, вышли изъ повиновенія. За мной шелъ ген. ад. Кутузовъ; съ нимъ пришелъ я на дворцовую главную гауптвахту, въ которую только что вступила 9-ая стрѣлковая рота Л. Гв. Финлянд. полка подъ командой кап. Прибыткова: послѣдній былъ въ моей дивизіи. Вызвавъ караулъ подъ ружье и приказавъ мнѣ отдать честь, прошелъ по фронту и, спросивъ людей, присягнули ли мнѣ и знаютъ ли, отъ чего сіе было и что по точной волѣ сіе брата К. П., получилъ отвѣтъ, что знаютъ и присягнули. За симъ сказалъ я имъ: ребята, Московскіе

[illegible] и свое дѣло дѣлать молодцами—зачѣлъ зарядить ружья; и самъ скомандовалъ: «дивиз. впередъ, скорымъ шагомъ маршъ» повелъ отрядъ лѣвымъ плечемъ впередъ къ Главн. воротамъ дворца. Въ сіе время разъѣзжили еще часовыхъ и на лицо было только остальная часть людей.

Съѣздъ ко дворцу уже начинался и вся площадь усѣяна была народомъ и перекрещивающимися экипажами. Многіе изъ любопытныхъ заглядывали на дворъ и одни изъ нихъ вошли и кланялись мнѣ въ ноги. Поставя караулъ поперегъ воротъ, обратился къ народу, который, меня увидя, началъ сбѣгаться ко мнѣ и кричать ура. Махнувъ рукой, я просилъ, чтобъ мнѣ дали говорить. Въ то же время приѣхалъ ко мнѣ Г. Милорадовичъ и сказалъ: «cela va mal. ils marchent au Sénat, mais je vais leur parler» ушелъ, и я болѣе его не видалъ, какъ отдавая ему послѣдній долгъ.

Надо было мнѣ выиграть время, дабы дать войскамъ собраться: нужно было отвлечь вниманіе народа чѣмъ необыкновеннымъ: эти мысли пришли мнѣ какъ бы вдохновеніемъ, и я началъ говорить народу, спрашивая, читали ли Мой манифестъ; всѣ говорили, что нѣтъ, пришло мнѣ на мысль самому его читать, у кого то въ толпѣ нашелся экземпляръ; я взялъ его и началъ читать тихо и протяжно, толкуя каждое слово. Но сердце замирало, признаюсь, и единый Богъ меня поддержалъ.

[«О Хвощинскомъ прибавить»—написано между строкъ].

Наконецъ Стрекаловъ повѣстилъ меня, что Преображенск. 1 б. готовъ; приказавъ коменданту Г. Л. Башуцкому остаться при гауптвахтѣ, и не трогаться съ мѣста безъ моего приказанія, самъ пошелъ сквозь толпу прямо къ бат., сбившемуся—спиной къ комендант. подъѣзду, а полк. команд. полковникъ Исленьевъ былъ при бат.—Бат. мнѣ отдалъ честь; я прошелъ по фронту и, спросивъ, готовы ли идти за мной, куда велю, получилъ отвѣтъ громкое молодецкое рады стараться!—минуты единственныя въ моей жизни: никакая кисть не изобразитъ стройную почтенную и спокойную наружность сего именно 1 б. въ свѣтѣ, въ столь критическую минуту. Скомандовалъ по тогдашнему къ атакѣ въ колонну первый и осьмой взводы въ полъ-оборота на[illegible]во и на право повелъ я бат. лѣвымъ плечемъ впередъ

мимо заборовъ тогда достраивавшагося дома М. Ф. и Иностр. Дѣлъ къ углу Адмиралт. бульвара. Тутъ узнавъ, что ружья не заряжены, велѣлъ бат. остановиться и зарядить ружья. Тогда же привели мнѣ лошадь, но всѣ прочіе были пѣши; въ то же время замѣтилъ я около дома Главн. Штаба полк. К. Трубецкого, ниже увидимъ, какую онъ тамъ игралъ роль. Зарядивъ ружья, пошли мы впередъ; тогда со мной были Г. А. Кутузовъ, Ф. А. Дурново, Стрекаловъ и адъютант. мой Перовскій и Адлербергъ; Адъют. моего Кавелина послалъ я идти въ Аничкинъ домъ перевесть дѣтей въ Зимній Дворецъ. Перовскаго послалъ я въ Кон. Гвард. съ приказаніемъ выѣзжать ко мнѣ на площадь.—Въ сіе самое время услышали мы выстрѣлы и вслѣдъ за симъ прибѣжалъ ко мнѣ Ф. А. князь Голицынъ Генеральнаго штаба съ извѣстіемъ, что Г. Милорадовичъ смертельно раненъ.—Народъ прибавлялся со всѣхъ сторонъ; я вызвалъ стрѣлковъ на фланги бат. и дошелъ такимъ образомъ до угла Вознесенской; не видя еще Кон. Гвард., я остановился и послалъ за нею одного бывшаго при мнѣ конныхъ стараго рейткнехта изъ Кон. Гвардіи Лондырева съ тѣмъ, чтобъ полкъ скорѣе шелъ. Тогда же слышали мы—ура Константинъ на площади противъ Сената и видна была стрѣлковая цѣпь, которая никого не подпускала.

Въ сіе время замѣтилъ я въ лѣво противъ себя офицера Нижегородскаго драгунскаго полка, у котораго черными обвязана голова, огромные черные глаза и усы, а вся наружность имѣла что то особенно отвратительное; подозвавъ его къ себѣ, узналъ, что онъ Якубовскій; но не знавъ, съ какой цѣлью онъ тутъ былъ, спросилъ его, чего онъ желаетъ. Но сіе онъ мнѣ дерзко сказалъ: «я былъ *съ ними*, но услышавъ, что они за Константина, бросилъ и явился къ вамъ». Я взялъ его за руку и сказалъ «спасибо, вы вашъ долгъ знаете».

Отъ него узнали мы, что Московскій полкъ почти весь участвуетъ въ бунтѣ и что съ ними слѣдовалъ онъ по Гороховой, гдѣ отъ нихъ отсталъ. Но послѣ уже узнано было, что настоящее намѣреніе его было подъ сей личиной узнавать, что среди насъ дѣлалось, и дѣйствовать по удобности. Въ это время Г. А. Орловъ привелъ Кон. Гвард., обогнувъ Исакіевскій соборъ и выѣхавъ на площадь между

онымъ и зданіемъ военн. Мин., что тогда было домомъ К. Лобанова; полкъ шелъ въ колоннѣ и строился спиной къ сему дому.

Сейчасъ я поѣхалъ къ нему и поздоровавшись съ людьми, сказалъ имъ (что ежели возможно мятежникамъ сообщеніе), что ежели искренно мнѣ присягнули, то настало время ее мнѣ доказать, на дѣлѣ. Г. Орловъ велѣлъ съ полкомъ идти на Сенатскую площадь и выстроиться такъ, чтобы пересѣчь, ежели возможно, мятежникамъ сообщеніе съ тѣхъ сторонъ гдѣ ихъ окружить было можно. Площадь тогда была весьма стѣснена заборами, отъ стороны собора, простиравшимся до угла нынѣшняго Синодскаго зданія: уголъ, образуемый бульваромъ и берегомъ Невы, служилъ складомъ выгружаемыхъ камней для Собора и оставалось между ими матеріалами и монументомъ Петра Великаго, не болѣе, какъ шаговъ 50. На семъ тѣсномъ пространствѣ идя по шести, полкъ выстроился въ двѣ линіи правымъ флангомъ къ монументу, лѣвымъ достигая почти заборовъ. Мятежники выстроены были въ густой неправильной колоннѣ спиной къ старому Сенату. Тогда былъ еще одинъ Московскій полкъ. Въ сіе самое время раздалось нѣсколько выстрѣловъ; стрѣляли по Г. Воиновѣ, но не успѣли ранить, тогда какъ онъ подъѣхалъ, хотѣлъ уговаривать людей. Ф. А. Бибиковъ, директоръ канцеляріи Главнаго штаба, былъ ими схваченъ и жестоко избитый отъ нихъ вырвался и пришелъ ко мнѣ; отъ него узнали мы, что Оболенскій предводительствуетъ толпой. Тогда отрядилъ я роту Е. В. Преображенскаго полка, П. Исленьева и младшимъ полковникомъ Титовымъ подъ командой капитана Игнатьева черезъ бульваръ занять Исаакіевскій мостъ, дабы отрѣзать сообщеніе съ той стороны съ Васильевскимъ островомъ и прикрыть фронтъ К. Гвардіи. Самъ же съ прибывшимъ ко мнѣ Г. А. Бенкендорфомъ выѣхалъ на площадь, чтобы разсмотрѣть положеніе мятежниковъ, меня встрѣтили выстрѣлами. Въ то же время послалъ я приказаніе всѣмъ войскамъ собираться ко мнѣ на Адмиралтейскую площадь, и воротясь на оную нашелъ уже остальную малую часть Московскаго полка съ большею частью офицеровъ, которыхъ ко мнѣ привелъ М. П.

Офицеры бросились мнѣ цѣловать руки и ноги. Въ

доказательство моей къ нимъ довѣренности поставилъ я ихъ на самомъ углу у забора противъ мятежниковъ. Кавалергардскій полкъ, 2 б. Преображенскаго полка стояли уже на площади, сей бат. послалъ я вмѣстѣ съ первымъ рядами направо примкнуть къ Кон. Гвардіи. Кавалергардцы оставлены были мной въ резервѣ у дома Лобанова. Семеновскому полку велѣно было идти прямо вокругъ Исакіевскаго Собора къ манежу Кон. Гвардіи и занять мостъ. Я вручилъ команду съ сей стороны М. П.—Павловскаго полка воротившіеся люди изъ караула составлявшіе малый б. посланы были по Почтовой улицѣ и въ Галерную улицу. Въ сіе время узналъ я, что въ Измайловскомъ полку происходилъ безпорядокъ и нерѣшительность къ присягѣ. Сколь мнѣ сіе ни больно было, но я рѣшительно не полагалъ сего справедливымъ и относилъ сіе къ тѣмъ же замысламъ, и потому велѣлъ Г. А. Левашеву, ко мнѣ явившемуся, ѣхать въ полкъ, и буде есть какая либо возможность двинуть его хотя бы противъ меня, непремѣнно его вывесть изъ казармъ. Между тѣмъ видя, что дѣло становится весьма важнымъ, и не предвидя еще, чѣмъ кончится, послалъ я Адлерберга съ приказаніемъ Шталмейстеру К. Долгорукому приготовить загород. экипажи для Матушки и жены и намѣренъ былъ въ крайности выпроводить ихъ съ дѣтьми подъ прикрытіемъ кавалергардовъ въ Царское Село. Самъ же, пославъ за артиллеріей, поѣхалъ на Дворцовую площадь, дабы обезпечить дьорегъ, куда велѣно было слѣдовать прямо обоимъ сапернымъ бат., Гвар. и Учебн. Не доѣхавъ еще до дома Глав. Штаба, увидѣлъ въ совершенномъ безпорядкѣ со знаменами безъ офицеровъ Л. Г. полкъ идущій толпой. Подъѣхавъ къ нимъ, ничего не подозрѣвая, я пошелъ остановить людей и выстроить: но на мое *стой* отвѣчали мнѣ, *мы за Константина*; я указалъ имъ на Сенатскую площадь и сказалъ, *коли такъ*, то вотъ вамъ дорога, и вся сія толпа прошла мимо меня, сквозь всѣ войска и присоединилась безъ препятствій къ своимъ одиноко заблужденнымъ товарищамъ.

Къ счастью, что сіе такъ было, ибо иначе бы началось кровопролитіе подъ окнами дворца и участь бы наша была болѣе, чѣмъ сомнительна,—но подобныя разсужденія дѣлаются *послѣ*; тогда же одинъ Богъ меня наставилъ на сію

мысль. Милосердіе Божіе оказалось еще разительнѣе при семъ же случаѣ, когда толпа Л.-Гренадеръ, предводимая офицеромъ Пановымъ, шла съ намѣреніемъ овладѣть дворцомъ, и въ случаѣ сопротивленія истребить все наше семейство. Они дошли до главныхъ воротъ дворца въ нѣкоторомъ устройствѣ, такъ что комендантъ почелъ ихъ за присланный мной отрядъ для занятія дворца. Но вдругъ Пановъ, шедшій во главѣ, замѣтилъ Л.-Г. Саперн. бат., только что успѣвшій прибѣжать и выстроиться въ колонны на дворѣ; и закричалъ *да это не наши* началъ ворочать входящихъ отдѣленіями кругомъ, и бросился бѣжать съ ними обратно на площадь. Ежели бы Саперн. бат. опоздалъ только нѣсколькими минутами, дворецъ и все мое семейство были бы въ рукахъ мятежниковъ, тогда какъ занятый происходившимъ на Сенатской площади и вовсе непривычный отъ занятой съ тылу иной важнѣйшей опасности я былъ лишенъ всякой возможности къ сему воспрепятствовать. Изъ сего видно самымъ разительнымъ образомъ, что ни я, никто не могли бы сего дѣла благополучно кончить, ежели бы самому милосердію Божію не угодно было всѣмъ править къ лучшему.

Здѣсь долженъ я упомянуть о славномъ подвигѣ Л. Г. Гренадерскаго полка кн. Мещерскаго; онъ командовалъ тогда ротой Е. В. и когда полкъ, завлеченный въ бунтъ ловкостью Панова и другихъ злоумышленниковъ, отказалъ въ повиновеніи своему полк. Стюрлеръ изъ опасенія нарушить присягу своему законному государю, К. П. Мещерскій догналъ свою роту на дорогѣ и убѣжденіемъ своимъ и довѣріемъ которое вселялъ въ людяхъ, успѣлъ остановить большую часть своей роты и нѣсколько другихъ и привелъ ихъ ко мнѣ. Я поставилъ его съ Саперн. на почетное мѣсто, къ защитѣ дворца. Воротившись къ войскамъ, послалъ къ прибывш. артил., но къ несчастію безъ зарядовъ, хранившихся въ лабораторіи; доколѣ послано было за ними, мятежъ усиливался; къ печальной массѣ московскаго полка прибылъ гвардейскій экипажъ и примкнулъ отъ стороны Галерной; а толпа гренадеръ стала съ другой стороны; шумъ и крикъ дѣлается безпрепятственнымъ и ихъ выстрѣлы перелетали черезъ голову. Наконецъ народъ началъ также колебаться и многіе перебѣгали къ

мятежникамъ, передъ которыми видны были люди не военные. Однимъ словомъ ясно становилось, что сомнѣніе въ присягѣ было истинной причиной бунта, что существованіе другого важнѣйшаго заговора дѣлалось очевиднымъ. Ура конституціи раздавалось и принималось чернью за ура произносимое въ честь супруги К. П.

Воротился ген. ад. Левашовъ съ извѣстіемъ, что Измайловскій полкъ прибылъ въ порядкѣ и ждетъ меня у Синяго моста; я поспѣшилъ къ нему,—полкъ отдалъ мнѣ честь и встрѣтилъ меня съ радостными лицами, которыя разсѣяли во мнѣ всякое подозрѣніе,—и сказалъ людямъ, что хотѣли ихъ обмануть, что я сему не вѣрю, что впрочемъ ежели среди ихъ есть такіе, которые хотятъ противъ меня идти, что я имъ не препятствую—присоединяться къ мятежникамъ. Громкое ура было мнѣ отвѣтомъ; я при себѣ приказалъ всѣмъ зарядить ружья и послалъ ихъ съ Г. М. Мартыновымъ, командиромъ бригады, на площадь, велѣлъ поставить въ резервѣ спиной къ дому Лобанова, самъ же поѣхалъ къ Семеновскому полку, уже ставшему на своемъ мѣстѣ. Полкъ подъ начальствомъ полк. Шипова прибылъ къ величайшей исправности и стоялъ у самаго моста на каналѣ, бат. за бат.

М. П. былъ уже тутъ. Съ этого мѣста было еще больше видно, что съ Гвардейскимъ экипажемъ, стоявшимъ на прав. флангѣ мятежниковъ, было много офицеровъ экипажа сего и другихъ; видны были и другіе во фронтѣ расхаживающіе между солдатъ и уговаривавшіе стоять твердо.

Съ того времени, когда я ѣздилъ къ Измайловскому полку, прибылъ требованный мной Митрополитъ Серафимъ изъ Зимняго дворца, въ полномъ облаченіи и съ крестомъ; почтенный пастырь съ однимъ поддіакономъ, вышелъ изъ церкви и, положа крестъ на голову, пошелъ прямо къ толпѣ; онъ хотѣлъ говорить, но Оболенскій и другіе сей шайки ему воспрепятствовали, угрожая стрѣлять, ежели не удалится. М. П. предложилъ мнѣ подъѣхать къ толпѣ въ надеждѣ присутствіемъ своимъ разувѣрить заблужденныхъ и полагавшихъ быть вѣрными К. П., ибо привязанность М. П. къ брату была всѣмъ извѣстна. Хотя страшился и для брата измѣнческой руки, ибо видно было, что бунтъ болѣе и болѣе усиливался, но желая испытать всѣ

способы, я согласился на сію мѣру и отпустилъ брата, придавъ ему Г. Ад. Левашова; но и его увѣщеванія не помогли, хотя матросы начали было слушать, мятежники *имъ мѣшали*.

Кюхельбекеръ взвелъ курокъ пистолета и началъ цѣлиться въ брата, что три матроса ему не дали совершить. Братъ воротился къ своему мѣсту, а я объѣхалъ вокругъ Собора, прибылъ снова къ войскамъ съ той стороны бывшимъ; и нашелъ прибывшимъ Л. Г. Егерскій полкъ, который оставилъ на площади противъ Гороховой, за пѣшей артилл. бригадой. Погода изъ довольно свѣжей становилась холодной, снѣгу было весьма мало и оттого весьма скользко; начинало смеркаться, ибо было уже 3 ч. пополудни. Шумъ и крикъ дѣлался настойчивѣе; и частые ружейные выстрѣлы многихъ въ Кон. Гвардіи перелетали черезъ войска; большая часть солдатъ на сторонѣ мятежниковъ стрѣляли вверхъ. Выѣхавъ на площадь, желалъ я осмотрѣть, не будетъ ли возможности, окруживъ толпу принудить къ сдачѣ безъ кровопролитія. Въ это время сдѣлали по мнѣ залпъ, пули просвистѣли мнѣ черезъ голову и, къ счастію, никого изъ насъ не ранили; рабочіе Исакіевского собора изъ за забора начали кидать въ насъ полѣнами; надо было рѣшиться положить сему скорый конецъ, иначе бунтъ могъ сообщится черни; и тогда окруженные ею войска стали бъ въ самомъ трудномъ положеніи. Я согласился испробовать атаковать кавалерію; Кон. Гв. первая атаковала по эскадронно, но ничего не могла произвести и по темнотѣ и отъ гололедицы, но въ особенности не имѣя отпущенныхъ палашей; противники въ сомкнутой колоннѣ имѣли всю выгоду на своей сторонѣ и многихъ тяжело ранили, въ томъ числѣ ротм. В. лишился руки. Кавалергардскій полкъ равномѣрно ходилъ въ атаку, но безъ большого успѣха. Тогда Г. А. Васильчиковъ, обратившись ко мнѣ, сказалъ: Sire, il n'y a pas un moment à perdre, on n'y peut rien maintenant, il faut de la mitraille. Я предчувствовалъ сію необходимость, но признаюсь, когда настало время, не могъ рѣшиться на подобную мѣру; и меня ужасъ объялъ: Vous voulez que je verse le sang de mes sujets le premier jour de mon règne отвѣчалъ я Васильчикову: pour sauver Votre Empire, сказалъ онъ мнѣ. Эти

слова меня снова привели въ себя; опомнившись, я видѣлъ, что или должно мнѣ взять на себя пролить кровь нѣкоторыхъ, и спасти почти навѣрно все; или *пощадивъ* себя, жертвовать рѣшительно государствомъ. Послалъ одно оружіе I легк. пѣш. бат. къ М. П. съ тѣмъ, чтобъ усилить сію сторону какъ единственное отступленіе мятежникамъ, взялъ другія три орудія и поставилъ ихъ передъ Преображенскимъ полкомъ, велѣвъ зарядить картечью; оружіями командовалъ Ш. К. Бакунинъ. Вся во мнѣ надежда была, что мятежники устрашатся такихъ пріуготовленій; крикъ продолжался еще упорнѣе. Наконецъ послалъ я Г. М. Сухозанета объявить имъ, что ежели сейчасъ не положатъ оружіе, велю стрѣлять; ура и прежнія восклицанія были отвѣтомъ, и вслѣдъ за этимъ залпъ.

Тогда, не видя иного способа, скомандовалъ пли! Первый выстрѣлъ ударилъ высоко въ Сенатское зданіе, и мятежники отвѣтили неистовымъ крикомъ и бѣглымъ огнемъ; второй и третій выстрѣлъ отъ насъ и съ другой стороны, изъ орудія у Семеновскаго полка ударили въ самую середину толпы и мгновенно все разсыпалось, спасаясь Англійской набережной, на Неву, по Галерной и даже на встрѣчу выстрѣламъ изъ орудія при Семенов. полку, дабы достичь берега Крюкова канала. Велѣвъ артиллеріи взять на передки, мы двинули Преображенскій и Измайловскій полки черезъ площадь, тогда какъ Г. Кон эскадронъ и часть Кон. Гвард. преслѣдовали бѣгущихъ по Англійской набережной. Одна толпа начала было выстраиваться на Невѣ, но два выстрѣла картечью ихъ раз сѣяли и осталось собирать спрятанныхъ и разбѣжавшихся, что возложено было на Г. А. Бенкендорфа съ 4 эскадронами конной гвардіи и конно-піонернымъ эскадрономъ подъ ком. Г. А. Орлова на Васильевскомъ острову и 2 эскадронами К. Гвардіи на сей сторонѣ Невы. Вслѣдъ за симъ вручилъ я команду сей части города Г. А. Васильчикову, назначивъ ему оставаться у Сената и отдавъ ему въ команду Семеновскій полкъ, 2 бат. Измайловскаго, сводн. бат. Москов. и Павлов. полковъ; 2 эскадрона кон. гвардіи и 4 орудія кон. артил. Васильевскій островъ поручилъ въ команду Г. А. Бенкендорфу, оставя у него 6 эскадроновъ и придавъ Л. Г. Фин. полка 1 б. и 4 оруд. к. а. Самъ отправился ко дворцу;

у Гороховой въ видѣ авангарда оставилъ на Адмиралт. площад. 2. б. Л. Г. Егерскаго полка и за нимъ 4 эскадронъ Кавалергардскаго полка. Остальной баталіонъ Л. Г. Егерскаго полка держалъ пикеты у малой Милліон., у Большой Милліонной, у казармъ 1. б. Преображенскаго полка и на Большой набережной у театра. Къ симъ постамъ придано было по 2 пѣшихъ оружія. Батарея въ 8 орудіяхъ поставлены были у Эрмитажнаго съѣзда на Неву, а другая въ 4 ор. противъ угла Зимняго Дворца на Неву. 1 б. Измайл. стоялъ на набережной у Параднаго подъѣзда, 2 эскадрона кавалергардовъ лѣвѣе противъ угла дворца. Преображенскій полкъ и при немъ 4 орудія роды Его Величества стоялъ на Дворцовой площади спиной ко Дворцу у главныхъ воротъ; въ резервѣ; и на дворѣ оставались оба саперныхъ баталіона и рота 1 грен. Л. Г. Гренадерскаго полка...